

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

ЛЕНИЗДАТ

1985

Составители — В. А. Беляков, М. Е. Скрябин

312 **За чужой счет**/[Сост. В. А. Беляков, М. Е. Скрябин]. — Л.: Лениздат, 1985. — 64 с., ил. — (Б-чка «На страже закона»).

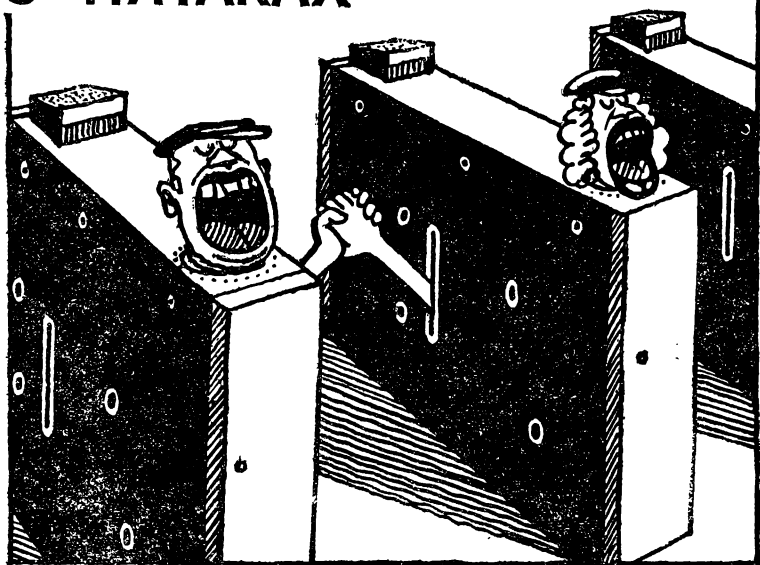
В брошюре повествуется о борьбе сотрудников прокуратуры, милиции и суда с расхитителями социалистической собственности. Любителям поживиться за счет государства не уйти от ответственности. Эта мысль красной нитью проходит через все материалы брошюры. Рассчитана на массового читателя.

3 $\frac{1203150000-328}{M171(03)-85}$ 30-85

67.99(2)116.1

© Лениздат, 1985

ДЕЛО О ПЯТАКАХ

Уголовное дело, о котором пойдет речь, не относится к сложным, запутанным. В нем и намека нет на особую изощренность преступления, хитроумное сокрытие его следов, упорное заpiresательство на допросах предварительного следствия и в судебном разбирательстве.

Скорее наоборот: от возбуждения уголовного дела до вынесенного приговора здесь все ясно, все подтверждено личными признаниями подсудимых, показаниями свидетелей, вещественными доказательствами и заключениями экспертиз. И тем не менее именно это дело особенно запомнилось всем, кто в той или иной роли занимался им: вел предварительное следствие или судебное разбирательство, обвинял или защищал подсудимых. В числе их был и прокурор отдела общего надзора Ленинградской городской прокуратуры Борис Дмитриевич Посвольский, государственный обвинитель на этом процессе.

Как-то в его присутствии среди журналистов зашел разговор о правовом воспитании, точнее, о том, как это важное дело решается средствами массовой пропаганды и информации.

— Вы, журналисты, часто гонитесь за сенсационностью,— недовольно заметил он.— Если кража, то со взломом. Разбойное нападение—так с убийством. Прочтешь о таком преступнике в иной статье—аж мурашки по телу. Вот и думаешь: за версту же видно, что он преступник. Хоть уголовное дело возбуждай за один его вид. Куда же раньше все мы смотрели?

Борис Дмитриевич обвел присутствовавших недовольным взглядом, ожидая, очевидно, возражений. Никто из журналистов не решился на это: правда была все-таки на его стороне. Борис Дмитриевич повеселел.

— А между тем на пути к преступлению многое бывает и проще и... сложнее. Даже хищения в особо крупных размерах порой начинаются с невинного присвоения обыкновенного медного пятака. С покушения на этот пятак, без кражи со взломом, без разбойного нападения. На виду у всех. На глазах, как говорится, всего честного народа...

Последняя фраза давала повод для возражений, и я им воспользовался.

— Где же это видано, Борис Дмитриевич, чтобы одни покушались на пятаки, а другие чуть ли не солидарно на это смотрели?

— А вам не приходилось быть свидетелем вот такой сцены: некто входит в городской транспорт и, не утруждая себя хотя бы взмахом руки (дескать, опустил), отрывает билет? Разумеется, не опустив в кассу ни копейки. И никто ему ни слова, ни полслова...

Я признался, что приходилось. И недоуменно спросил:

— Но какое отношение это имеет к хищениям в особо крупных размерах?

Борис Дмитриевич достал из стола папку с типографской надписью «Надзорное производство», протянул ее мне.

— Почитайте и убедитесь: самое прямое. В папке есть и неофициальные бумаги— мои записи на судебном процессе. Надеюсь, помогут кое-что лучше понять.

Материалы «Надзорного производства», особенно сделанные от руки записи государственного обвинителя, и побудили меня написать о совсем негромком в судебной практике уголовном деле. О хищении медных

пятаков. Правда, в обвинительном заключении и приговоре суда эта фраза звучит несколько иначе: «О хищении в особо крупных размерах».

* * *

...На эскалаторах метро людской поток почти совсем иссяк и наконец оборвался. Последние пассажиры посматривают на часы — станции вот-вот закроются, не опоздать бы сделать пересадку на другую линию.

Посматривают на часы и работники станций. В эти заключительные минуты трудового дня у них свои заботы. Надо в порядке оставить рабочие места, проверить их на противопожарную безопасность, сделать записи в журнал о любых неполадках, случившихся за смену.

Особенно много забот у контролеров-кассиров. Надо снять пломбы с приемных бункеров автоматических контрольных пунктов — АКП и разменных автоматов монет — РАМов, пересыпать деньги в специальные мешки и на тележках отвезти их в кассу. Десятки кассиров не пересчитали бы и за ночь эту «серебряно-медную» выручку, не будь счетных машин. Приемные бункера АКП в иные дни заполнены почти полностью, а это — семь-восемь тысяч пятак только в одном автоматическом контрольном пункте. На станции же их, как правило, не менее шести.

Стремительно вращающийся диск счетной машины отсеивает гнутые или старые, вышедшие из обращения монеты, ведет точный счет выручки. Контролер-кассир сверяет этот счет с показаниями АКП, заносит в книгу учета цифры. Все монеты расфасовываются в мешочки по две тысячи штук в каждом, засыпаются в разменные автоматы, где завтра пассажиры смогут их получить в обмен на «серебро».

Затем специальный аппарат пересчитывает и сортирует по достоинству десяти-, пятнадцати- и двадцатикопеечные монеты. После окончания подсчета их заберут инкассаторы. Хорошо, если все сошлось, если оплошность не допустили ни контролер-кассир, ни техника. Редко, но бывает, что «ошибается» и автомат, вовремя не отрегулированный дежурным электромехаником.

В тот злополучный поздний вечер, с которого и началась вся эта история, на станции «Площадь Александра Невского» случилось нечто подобное. После

выемки денег из автоматов и подсчета их в кассе контролер-кассир Фуркова¹ обнаружила около тридцати монет старого образца. То есть давно изъятых из обращения. А между тем выручка точно соответствовала показаниям счетчика. Как же так, удивилась Фуркова, ведь разменный автомат монет не должен был «выдать» пятаки какому-то бесчестному пассажиру. По инструкции в подобных случаях составляется акт. А уж там начальство решит: списать эту сумму или высчитать ее из зарплаты электромеханика, обслуживающего автомат, принявший монету старого образца за новую.

Фуркова окликнула электромеханика Сатикова, обязанного присутствовать при подсчете выручки. Он с любопытством осмотрел монеты, взвесил их на ладони.

— И на сколько рублей нагрел тебя какой-то прохиндей?

— Почему меня? — Фуркова много лет работала кассиром и порядок денежной отчетности и материальной ответственности отлично знала. — Как ты говоришь, «какой-то прохиндей» нагрел прежде всего тебя. Мне же только лишняя морока — писать акт, докладывать начальству. А денежки эти высчитают из твоей зарплаты. Повнимательнее будешь за автоматами следить, а то они у тебя скоро и пуговицы начнут разменивать на пятаки.

У Сатикова вытянулось лицо. Знать-то он знал, что по инструкции за ошибку автомата отвечает электромеханик, но как-то запамятовал. РАМы и АКП работали у него всегда исправно, обмануть их может разве только он, сам Сатиков, а не какой-нибудь посторонний человек.

— Ну ты как? Настроена акт составлять? — с деланным безразличием спросил он.

Фуркова замялась, выжидая, молча развела руками.

— Вот что! — решительно сказал Сатиков, догадавшись о сговорчивости контролера-кассира. — Давай-ка эти фальшивые монеты. Я попробую их снова обменять на пятаки. Без счетчика. Не платить же нам из своего кармана...

— Так у меня все сходится... — начала было объяснять Фуркова и замолчала.

Ни в тот день, ни потом, десять месяцев спустя, когда уже шло следствие, она так и не смогла сама себе ответить, почему у нее тогда словно отнялся язык?

¹ Некоторые фамилии в очерке изменены.

Почему она не остановила ни себя, ни этого Сатикова, почему с таким нетерпением и волнением ждала: принесет он деньги или не принесет? А если принесет, то как с ними они поступят?

Сатиков вернулся быстро, порозовевший, немножко больше, чем обычно, суетливый. Достав монеты из карманов, сказал:

— Пополам...

И, уловив в глазах Фурковой полупротест, полусогласие, успокоительно добавил:

— Знаешь, о чем я подумал? Мало ли, будет у нас какая-нибудь копеечная нехватка — не из своего же кармана рассчитываться, а?

Контролер-кассир подавленно молчала.

— Вот тогда нехватку этими деньгами и покроем. Правда?

Сколько раз потом, получив очередную повестку-вызов к следователю, она будет прокручивать в памяти эту стыдную, унижительную сцену. Двое взрослых людей, с незапятнанной в коллективе репутацией, оба — семейные, достаточно обеспеченные, стоят у стола над горкой монет общей суммой в несчастных шесть рублей. Стоят и, ловя ускользающие друг от друга взгляды, натужно подыскивают слова, которые убаюкали бы совесть, заменили бы пугающее слово «воровство» каким-нибудь другим, не таким страшным. И сколько раз ни возникала эта сцена перед глазами, Фуркова не могла себе ответить, что же ее побудило согласиться с Сатиковым. Уставшая от тяжких дум память подбрасывала ей разные оправдания. В тот день Фуркова растратила последние домашние деньги на флакончик дорогих духов. А эти духи не понравились ее подруге, женщине со вкусом. И тогда она, Фуркова, отругала себя за никчемную покупку и всю смену не могла успокоиться — жалко было потраченных последних до полочки пятнадцати рублей.

Память бросала ей второй спасательный круг. А помнишь застольицу на старый Новый год? Цыганистого вида кассиршу из гастронома, обвешанную украшениями, как новогодняя елка серпантином? Помнишь ее насмешливый взгляд, брошенный на тебя, когда она узнала, что ты тоже работаешь кассиром? Ты же ведь поняла этот взгляд, не случайно сказала ей с вызовом: «Метро — не гастроном. У нас там чисто, к рукам ничего не прилипает». Вся компания хохотала. Нет, не над твоими словами, а над тем, что сказала тебе та

кассирша: «А ты попробуй руки не мыть, может, тогда что-нибудь и прилипнет».

Фуркова вспомнила, как она возненавидела в тот праздничный вечер разодетую кассиршу, а потом поняла, что завидует ей, и даже подумала: не перейти ли работать в какое-нибудь другое место, где можно иметь «лишние» деньги. Она отгоняла эту мысль, сознавая, что подталкивает себя к чему-то бесчестному, запретному, однако отрешиться от этих беспокойных дум так и не смогла...

Как раз тогда, оставшись без денег из-за этой необдуманной покупки духов, стараниями электромеханика Сатикова и образовались «лишние» три рубля. Мелочь, конечно, но все же деньги. И похоже, что предприимчивый электромеханик может их добыть гораздо больше. Наверное, и делает это, только без нее. Делает и посмеивается над ней точно так, как та благополучная разодетая кассирша из гастронома...

Голос Сатикова вернул Фуркову к горке монет, лежащих на столе.

— Ты очень долго думаешь. Я спрашиваю: пополам?

Не глядя ему в глаза, неожиданно для себя Фуркова сказала:

— Пополам так пополам. Акт составлять — только время терять, поздно уже...

Термин «преступление» происходит от слова «переступить», то есть перейти через какой-то рубикон совести, борений с собой. Через границу дозволенного законом.

По-разному, с разными чувствами и отношением переступили эту границу электромеханик Сатиков и контролер-кассир Фуркова.

Сатиков это сделал без всяких угрызений совести. К двойной жизни (показной — на виду у всех и скрытой от других и даже близких людей, полностью подчиненной своекорыстным интересам, жадности, накопительству) он привык давно. И на прежней работе — в Ленэнерго, и на последней — станции метро «Площадь Александра Невского» его считали исполнительным, добросовестным работником. Он никогда и никуда не опаздывал, не совершал нарушений трудовой и производственной дисциплины, не чурался общественной работы, был в свое время секретарем комсомольской организации, на станции «Площадь Александра Невского» — членом партийного бюро, возглавлял добровольную народную дружину. Семья для Сатикова

тоже была лишь прикрытием, фасадом «порядочной» жизни. Для посторонних глаз и ушей — он семьянин, каких не сыскать. Не пьет, не курит, на жену и дочь голоса не повысит. И увлечения у него самые невинные — радиотехника, музыка.

Таким его считали все, кто знал. Таким он хотел казаться. Но Сатиков был совсем другим. На суде его жена скажет слова, которые вроде бы и ничего не объяснят, но в то же время приоткроют в характере, поведении, нравственном облике Сатикова очень многое. А скажет она так: «Со дня свадьбы живем тихо, спокойно, забыла я уже, что зовут меня Тамара, так как Сатиков лишнего слова не скажет. Не пьет он, не курит, считает себя очень умным человеком... Хвалить его не за что и ругать — грех. Тошно мне стало от такой жизни, просили мы с дочерью оставить нас — отказался. Вот и живем вместе, как два чужих человека, но супружеские отношения поддерживали, так как моя мать сказала: „Не пьет, не бьет — вот и живи“».

Это не оговор, не напраслина. Это тихий крик, это стон в подушку глубоко несчастной, по натуре доброй и безответной женщины. Схваченный за руку с поличным, подавленный крушением своих планов тайного обогащения, Сатиков в минуты откровения скажет следователю: «Жене со мной тяжело, с ней я мало общаюсь. От техники она далека, и я с ней о работе никогда не говорю. Есть у меня собака, которую очень люблю и уделяю ей внимания больше, чем жене».

Став физически зрелым человеком, Сатиков остановился где-то на дальних подступах к зрелости нравственной. Ему не дано было познать ни великодушия и прямоты мужской дружбы (в друзьях у него никто даже не значился), ни окрыляющей мужчину любви к женщине (женился потому, что так удобнее, проще жить), ни радости отцовства (к дочери относился так же, как и к жене). Эта дебильность чувств, эта глухота души ничуть не угнетала его, скорее наоборот — освобождала от лишних забот и волнений, была микроклиматом его гипертрофированного эгоизма.

Полюбовный раздел с контролером-кассиром шести «лишних» рублей Сатиков сделал с одной-единственной целью: проверить, готова ли Фуркова стать сообщницей в хищении пятаков из автоматических контрольных пунктов станции. Одному ему было не справиться с этой задачей. Технически он ее продумал и тайно опробовал: переделанная им плата управления АКП по-

зволюла отключать счетчик пятикопеечных монет и таким образом накопить в бункере неучтенную сумму денег. Но изъять их оттуда и присвоить без соучастия Фурковой он не мог: выемку пятаков, обработку их на счетной машине ведет контролер-кассир.

После согласия Фурковой на раздел пополам шести рублей Сатиков понял: никуда она не денется, пошла на сделку с совестью один раз, не откажется и второй. Однако до поры до времени он решил не пугать ее, предлагая ей поживиться небольшими суммами.

Так продолжалось месяц. Переделанная плата управления одним автоматическим контрольным пунктом давала возможность, не вызывая особых подозрений, скрыть от учета тридцать—сорок рублей. Утаивать больше этого Сатиков боялся. Понимал, что значительное сокращение выручки на каком-то одном АКП может вызвать подозрение.

Месяц спустя на сообщников хищения пятаков начал «работать» еще один АКП. «Доход» таким образом удвоился. Норму его дележки диктовал Сатиков: процентов восемьдесят себе, остальное — Фурковой. К ней он присмотрелся достаточно, характер ее, психологию изучил основательно. Удовлетворится и червонцем, шуметь не будет. Такие, как она, не умеют постоять за себя, трусость их делает сговорчивыми и покорными.

В августе Фуркова решила идти в очередной отпуск, попросив администрацию прибавить к нему несколько дней отгулов. Узнав об этом, Сатиков устроил ей разнос. Дескать, дура и есть дура, добровольно отказывается от денег, которые можно было бы хапнуть в эти несколько дней.

Отъезд сообщницы в отпуск побудил Сатикова к поиску более эффективного способа изъятия пятаков из АКП. По возможности без чьей-либо помощи. Ведь на целый месяц он оставался без Фурковой, и этот месяц терять, оставаться без «выручки» было уже выше его сил.

Способ был найден. Имея доступ к АКП, делая вид, что занимается ремонтом якобы вышедшего из строя автоматического контрольного пункта, Сатиков подвешивал в его стойке специально сшитый мешочек. Брошенные в прорезь АКП пятаки теперь попадали не в приемный бункер, находящийся под пломбой, а в мешочек. Незаметно для служащих метро снять его — дело нескольких минут. Обычно Сатиков убирал заполненные пятаками мешочки в те минуты, когда меня-

лись смены контролеров, несущих службу у самого крайнего АКП. Однажды открыл стойку АКП и обомлел от страха: мешочек не выдержал тяжести монет и оборвался. Пришлось возиться гораздо дольше, чем обычно. Выручил, спас от возможного разоблачения все тот же «ремонт»: Сатиков весьма искусно изобразил озабоченность, на глазах у контролера бросился звонить по телефону, якобы с кем-то советуясь, как быстрее исправить повреждение.

Вернувшись из отпуска, Фуркова заметила в поведении Сатикова некоторые перемены. Он реже стал предлагать ей взять свой «пай». Обработывая медный поток на счетной машине, она с удивлением стала замечать, что количество монет в приемных бункерах АКП и по показаниям счетчиков чаще всего сходятся.

— Вот и хорошо,— вздохнула она с таким чувством, будто освободилась от тяжелого груза. — Я давно хотела тебе сказать: пора нам завязывать, пока не попались.

Сатиков ухмыльнулся, пошарил рукой в кармане, протянул ей ключ от своего служебного сейфа.

— Когда ты свободна, а меня нет, открывай сейф, бери монеты и обменивай их на бумажные деньги.

Фуркова ничего не поняла. Сатиков, кривя губы в усмешке, объяснил:

— Как видишь, я честный компаньон. Монеты могу выуживать и без твоей помощи. Тебе же доверяю их обменивать. Мне надоело бегать по магазинам, обслуживать продавцов разменной монетой...

Открыв первый раз доверенным ключом сейф, Фуркова ахнула. Там хранились горы монет — этак, рублей на двести. Теперь она поняла и причину перемены в поведении Сатикова, и смысл его слов о том, что монеты он может выуживать и без ее помощи.

В один из ноябрьских дней Сатиков, приехавший на работу пораньше, незаметно для контролера подвесил в трех АКП мешочки, сшитые им из старого передника жены. «Улов» обещал быть удачным — пассажиры валом валили в метро...

Из допроса на суде свидетеля — контролера Малышевой:

«Я не раз замечала, что Сатиков часто открывает самые дальние от моего рабочего места АКП и делает вид, что их ремонтирует. Сказала об этом постовому милиционеру Иванову...»

Из допроса на суде свидетеля — дежурной по станции Бобиной:

«17 ноября меня вызвали наверх посмотреть работу АКП. В 6, 7, 8-й автоматические контрольные пункты мы бросили по пятаку и убедились, что счетчики не работают. Значит, отключены. Мы открыли головки в АКП и увидели, что во всех трех под монетоприемники подвешены мешочки...»

Кто-то тихо, словно сомневаясь, произнес: «Неужели Сатиков?» Его сразу же одернули: «Типун тебе на язык — Сатиков не способен на такое!..»

К собравшимся у вскрытых АКП подошел Сатиков, заглядывая через плечи, спокойно спросил:

— В чем дело? Что случилось?

— Да вот, какой-то негодяй, — начали ему объяснять, — ворует пятаки...

Из заявления в милицию электромеханика Сатикова:

«Вначале, когда я только начинал хищение, у меня был один мешок. Затем решил, что можно увеличить количество мешков и брать таким образом более крупную сумму. В среднем я похищал приблизительно сто рублей в день. На эти деньги я приобрел за 1200 рублей радиолу, за 690 — электрофон, за 685 — цветной телевизор, за 9600 — «Жигули». После покупки машины некоторое время я не занимался хищением, так как понимал, что это опасное дело. Но в начале ноября я достаточно серьезно повредил машину. Понадобились деньги на ее ремонт, и я два раза похитил их из АКП на сумму 250—300 рублей...»

Пройдут долгие для Сатикова дни следствия, прежде чем он расскажет все без утайки. И тогда, все яснее высвечивая закоулки его подленькой души, эту грустную историю жизни, разменянной на медные пятаки, станут на свои места остальные подробности преступления. И первые шесть рублей, «честно» поделенные поровну с контролером-кассиром Фурковой, и хищения более крупных сумм, сделанные до того, как старый передник жены еще не обратился в мешочки для краденых монет.

А потом будет суд, который назовет точную цифру нанесенного государству Сатиковым и Фурковой ущерба — 16750 рублей. В точном соответствии с законом суд даст квалификацию этому преступлению как хищению в особо крупных размерах, совершенному с использованием служебного положения, по предварительному сговору и с применением технических средств.

И еще на одно очень важное обстоятельство обратят внимание и следствие, и суд. На полное несоот-

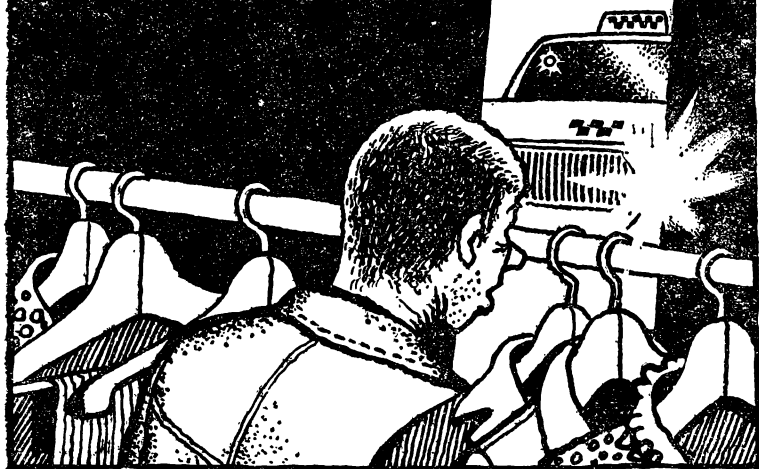
ветствие характеристики, данной Сатикову администрацией и общественными организациями, где он работал, тем словам, которые прозвучали в его адрес на общем собрании коллектива. «Инициативный работник... на участке пользовался уважением...» — будет утверждать подписанная официальными лицами бумага. «Жадным эгоистом, оборотнем, человеком с двойным дном» назовут Сатикова бывшие его сослуживцы. Назовут и вспомнят, что признаков его нравственного убожества, подозрений в том, что он нечестный человек, было предостаточно.

Разве не обращался к начальству Сатикова заместитель начальника радиуса Невско-Василеостровской линии метрополитена Л. А. Донец, высказавший подозрение, что электромеханик ворует пятаки? Обращался. Как отреагировали на это заявление? Произвели техническую ревизию автоматических контрольных пунктов — нарушений не выявили. Надо ли говорить, как формально проводилась эта ревизия, как слепы были те, кто по своему служебному долгу не имел права пройти мимо такого очевидного факта: изо дня в день три АКП станции дают выручки на сто рублей меньше, чем раньше. А сто рублей — это две тысячи пассажиров. Спрашивается: неужели никого не заинтересовало, по какой причине так «поубавился» пассажирский поток, почему именно станция «Площадь Александра Невского» вдруг стала менее людной?

Сатиков и Фуркова раскаялись в содеянном. Им будет над чем поразмыслить в местах отбытия наказания. Но, думается, из этого дела о пятках есть повод сделать выводы не только им...

Евгений Вистунов

НЕ ТОЛЬКО СВИДЕТЕЛЬ

В одиннадцатом часу¹ темным январским вечером водитель Шелехов, управляя таксомотором, держал путь к ближайшей стоянке такси. Рабочее время подходило к концу, день сложился удачно, и Шелехов находился в отличном расположении духа; может быть, поэтому он не раздумывая притормозил по просьбе собрата-водителя, стоявшего возле приткнувшихся к тротуару красных «Жигулей».

Водитель попросил Шелехова подвезти его пассажиров, которых он взял, но из-за поломки машины не смог доставить до места. Водитель досадовал на неисправность, был расстроен, а тут вот еще и пассажиры сердятся, куда-то опаздывая! Короче — помоги, друг! Шелехов согласился, взял пассажиров и поехал с ними в сторону Купчина.

Пассажиры — трое молодых людей — вели между собой беззаботный разговор, веселились. А через пят-

¹ Рассказ основан на реальных событиях и документах конкретного уголовного дела.

надцать минут, когда Шелехов проезжал мимо пустыря, сидевший рядом с ним парень достал нож и просто, словно спросил закурить, сказал: «Тормози, приехали!» Тут же Шелехов почувствовал, как в его затылок, над правым ухом, больно уперлось что-то твердое и тупое, — это был металлический ствол браунинга — оружие второго бандита, сидевшего сзади. «Ты плохо слышишь?» — спросил первый и приставил нож к боку Шелехова, продолжавшего механически вести автомобиль вперед и вперед. «Ну!» — И бандит слегка ткнул его ножом, прорвав куртку; после этого к Шелехову вернулась способность соображать — он резко затормозил.

— Что вы хотите? — спросил Шелехов чужим, изменившимся голосом.

— На твоём месте я бы не задавал вопросов, — посоветовал ему сосед справа. — Я бы вел себя разумно — тихо, спокойно... Ты меня понял? — И после небольшой паузы, во время которой Шелехов судорожно сглотнул слюну, потребовал: — Деньги есть — давай!

Шелехов подчинился.

— Часы!

Шелехов поспешно расстегнул браслет, снял и отдал часы. Человек с ножом сунул деньги и часы себе в карман.

— Ну а теперь пересаживайся, — сказал он, — освободи место.

Шелехова взяли за шиворот, схватили за руки и за ноги и, как мешок, перевалили через спинку сиденья; не успел он опомниться, как уже оказался на заднем сиденье между двух грабителей, а тот, кто сидел спереди, перебрался на его место — за руль.

— Ты не дрожи: нам нужна только твоя машина — не ты, — успокоил его самозванный водитель. — Но тебе придется несколько дней пожить вместе с нами, под присмотром, так будет надежнее... А машину потом новую купишь, — хмыкнул бандит.

— У тебя дети есть? — неожиданно спросил тот, что сидел теперь слева от Шелехова. От него сильно несло вином. Шелехову врезалась в память черная полоска усов, топорщившихся над верхней губой говорившего.

— Да, двое... сын и дочь, — растерянно произнес Шелехов.

— Тогда запомни: если попробуешь убежать или заявить в милицию, твои дети станут сиротами. Запомни, я тебя везде найду и убью как собаку.

— Хватит с ним базарить,— сказал третий. — Он все уже понял. Поехали...

* * *

Грабитель гнал автомобиль на большой скорости. Чувствовалось, что он обладает неплохими навыками вождения, во всяком случае, лихости ему было не занимать. Но он, видно, не был приучен к скользким улицам северных городов, и потому на крутом повороте влетел в высокий снежный вал, тянувшийся вдоль обочины, из которого не мог самостоятельно выбраться. Наконец, после нескольких бесплодных попыток, водитель сказал ругавшимся последними словами сообщникам, чтобы они толкали автомобиль, и те принялись толкать. Выходя из машины, бандит с усиками еще раз пригрозил Шелехову, что убьет, если тот «хоть чуть пошевелится», но Шелехов и так сидел ни жив ни мертв.

Сдвинуть машину с места оказалось непростым делом: несмотря на все усилия, автомобиль стоял, как приклеенный. Тогда было решено «вытащить» наружу Шелехова — «лишний груз», заставить и его вместе со всеми толкать. Минута — и вот уже Шелехов помогает грабителям толкать автомобиль.

Шелехов огляделся: место пустынное, ни души... Вдруг со встречного направления он заметил нарастающий свет фар,— автомобиль быстро приближался... Положение было отчаянное. Шелехов понял: автомобиль — последняя его надежда. Больше он не успел ни о чем подумать, какая-то неосознанная сила заставила его вдруг резким толчком сбить одного из грабителей с ног и с поднятыми руками броситься через дорогу — наперерез автомобилю.

Водитель таксомотора — а это было такси — с трудом смог остановить машину — буквально в одном метре от Шелехова. Шелехов метнулся к приоткрывшейся дверце:

— На меня напали! Захватили машину!.. Помогите!

— Стой! — закричал, высунувшись наружу, водитель. — Стой!

Шелехов оглянувшись: те трое уже бежали по заснеженному пустырю, кто-то упал, тут же вскочил на ноги.

Хлопнула дверца — такси рванулось вперед. Устремившись в разрыв снежного вала, машина выехала на пустырь.

Вот это было зрелище — подпрыгивающий на неровностях почвы автомобиль пытается удержать в

свете фар мечущиеся на белом черные фигурки людей — и настагает их! Шелехов смотрел неотрывно, как на полотно киноэкрана: погоня! Вдруг — один из бегущих исчез в спасительной темноте ночи, второй тоже — резко бросился вправо, вырываясь из полосы света. Шелехов опомнился: «Милиция! Срочно сообщить в милицию!» — и побежал в сторону жилого массива, обозначенного редкими светящимися квадратиками окон: там, рядом с домами, должны быть телефоны!

* * *

...Таксист выбрал одного и преследовал. Нежданно он ощутил в себе непреодолимое желание: догнав, сбить бегущего. И неизвестно, что было бы, но на пути попался вагончик-«бытовка», брошенный строителями здесь, на пустыре, после окончания стройки, — под него, под этот вагончик, нырнул — прямо упал с разбегу, — спасаясь, преследуемый.

Таксист остановил машину метрах в шести, подбежал; вместе с ним бежал и пассажир, оказавшийся невольным участником гонки; они стали рядом — у вагончика.

— Вылезай! — скомандовал шофер.

В ответ из-под вагончика ударил выстрел!

«Тут моего пассажира словно ветром сдуло, — рассказывал позднее следователю Становский. — Даже по счетчику не заплатил — такой проходимец...» Но шутки эти и шуточки были потом, а в тот момент и сам Становский отпрянул назад, к машине.

Сделав над собой усилие, он сказал:

— Брось оружие!..

— Уйди! Убью! — раздалось из-под вагончика — хрипло, отрывисто: бандит не успел отдышаться после быстрого бега.

— Вылезай, вылезай, — примирительным тоном сказал таксист, пользуясь машиной как прикрытием. — Все равно тебе никуда не деться...

— Врешь!

— Не дури. Куда денешься, — повторил Становский. А сам подумал: «Как дальше-то быть?»

Долго ломать голову ему над этим вопросом не пришлось; раздавшийся с противоположной стороны вагончика топот означал: мирным переговорам о сдаче преступник предпочел бегство. Обогнув вагончик, Становский побежал следом.

Машину пришлось оставить. Впереди были — и уже близко — жилые кварталы, а значит — дворы, там преимущества автомобиля свелись бы к нулю.

У ближайших домов Становский нагнал бандита. Тот, резко повернувшись, выставил перед собой руку, нацелив пистолет в грудь Становского.

— Не подходи — убью!

Становский остановился:

— Не дури...

Бандит, тяжело дыша, побежал. Становский — за ним. И так повторялось несколько раз: как только Становский догонял бандита, тот останавливал его, угрожая выставленным перед собой пистолетом. А Становский, страшась выстрела в упор, все же упрямо продолжал преследование. Бандит не стрелял только потому, что не сработал после первого выстрела механизм старенького браунинга — не выбросило гильзу, заклинило, — и новый выстрел был невозможен. Но Становский-то не знал об этом!

Потом во время допроса следователь районной прокуратуры Донцов не удержался, спросил у Становского:

— Антон Никифорович, а не страшно было на пулю идти?

Становский усмехнулся, признался:

— Боялся, конечно... Но я видел, что он почему-то не стреляет...

— А если б выстрелил?

Становский снова усмехнулся:

— Он уже стрелял раз — промахнулся... Мне жена, правда, тоже, как узнала обо всем этом, чуть башку не открутила: тебе ж, говорит, дураку, сорок лет, у тебя ж, говорит, двое детей — куда ты лезешь?.. А меня тогда злость взяла... От ребят в парке не раз слышал о нападениях на нашего брата, на таксистов... ну, думаю, мразь, не уйдешь, не таких брали...

«Беготня между домами» — так назвал погоню Становский — продолжалась довольно долго. Бандит уже сбросил с себя дубленку, шапку, потерял шарф, — он больше не мог бежать, он задыхался, жадно глотая ночной воздух, но все же бежал, бежал, бежал, убегая от неотступного Становского...

Наконец Становский вооружился подобранной на газоне палкой и, когда бандит в очередной раз остановился, тяжело переводя дыхание и потрясая перед собой пистолетом, метнул в него эту палку. Бандит, согнувшись, отскочил в сторону, и тут Становский в два прыж-

ка настиг его и сбил с ног, упав вместе с ним. Пальцы шофера стальным обручем обхватили запястье правой руки преступника, в которой был пистолет, и сдавили его с такой нечеловеческой силой, что, закричав от боли, бандит разжал пальцы и выронил пистолет в снег.

Соппротивление было бессмысленно: недаром Становский служил в погранвойсках и недаром оставался на сверхсрочной. Поэтому, пока он тащил бандита в сторону дороги, тот, уже не сопротивляясь, умолял лишь отпустить его, обещая за это тысячу рублей.

— Ах ты, сволочь! — выругался Становский.

Когда он выволок бандита к дороге, то, на его счастье, ему удалось остановить первый же попавшийся автомобиль. Не тратя много времени на разговоры с водителем, Становский впахнул задержанного в салон машины.

— Не выпускай его, — стараясь говорить ровно, сказал он водителю, — это преступник...

Этими словами Становский ошарашил водителя, который думал, что это просто подвыпившие дружки в обнимку добираются до дому.

— Преступник, — повторил Становский растерявшемуся водителю. — Его нужно доставить в милицию. Я сейчас вернусь — только подберу его пистолет... Не бойся его — он еле дышит...

Пистолет валялся в полусотне метров от дороги — в сугробе, за углом ближайшего дома, — и Становский побежал туда. Вскоре он уже возвращался с пистолетом. Но едва его плотная фигура показалась из-за угла дома, как дверца машины приоткрылась — из нее выскочил человек и побежал что есть силы по улице. Становский рванулся вперед.

— Раззява! — крикнул он на бегу водителю. — В милицию... в милицию сообщи!.. быстро!..

Бандит обогнул дом, и на какое-то время Становский потерял его из виду. Вбежав во двор, он на секунду остановился: во дворе было тихо, темно — и пусто. Внимательно посматривая по сторонам, Становский уверенно направился к ближайшей парадной; по его расчетам, до следующей парадной преступник не мог успеть добежать: расстояние, разделяющее его и преступника, когда тот свернул за угол, было меньше, чем от угла дома до дальней парадной.

Шофер осторожно приоткрыл дверь, вошел внутрь, прислушался. Где-то наверху, казалось, слышался разговор, — Становский до предела напряг слух, — слабо

хлопнула дверь — на четвертом или пятом этаже. Становский, подталкиваемый догадкой, быстро вышел наружу, во двор, задрал кверху голову. Так и есть! Наверху одиноко светилось окно: четвертый этаж!

Ай да Становский!

Шум двигателя и свет фар заставил его мгновенно обернуться: во двор въезжала милицмейская машина. Становский замахал руками: «Сюда, сюда!» Машина подъехала ближе, из нее вышел сержант.

— Он там,— указал на окно Становский,— спрятался в квартире... Это бандит, он напал на водителя, вот его пистолет,— наскоро объяснял он ситуацию милиционеру.

— Я знаю,— кивнул сержант. — Где остальные?

— Разбежались...

— Ладно. — Сержант взялся за дверную ручку. — Оставайся внизу,— сказал он милиционеру-водителю,— а мы с ним вдвоем пойдем, а то черт его знает...

Стараясь не шуметь, они поднялись по лестнице на четвертый этаж; на лестничной площадке сориентировались, в какую квартиру следует звонить, и сержант нажал кнопку звонка.

— Кто там? — раздался за дверью испуганный женский голос.

— Откройте, милиция!

— А что случилось?

— Я прошу вас открыть дверь!..

Открыли не сразу. Хозяйка квартиры — женщина лет 40—45,— делая удивленное лицо, отрицала, что у нее кто-либо прячется. И действительно, кроме этой женщины и ее малолетнего сына, в квартире больше никого не было,— сержант бегло осмотрел все помещения.

— А теперь откройте шкаф,— потребовал он.

— Как? Вы не имеете права! — возмутилась женщина.

— Я должен убедиться,— с расстановкой произнес сержант.

Секунду женщина колебалась, а затем вдруг как-то обмякла, тихо сказала:

— Лучше — вы сами... он там...

— Понятно.

Сержант распахнул дверцу платяного шкафа: преступник сидел внутри — на корточках, согнувшись в три погибели, и сердце у него в этот миг отчаянно колотилось.

— Ну вот и приехали,— устало произнес Становский, взяв его за шиворот.

Когда задержанного доставили в отделение милиции, то находившийся там Шелехов сразу признал в нем своего грабителя.

• • •

Преступление было совершено в считанные минуты, но расследование его заняло многие дни, которые незаметно срастались в месяцы.

Возбужденное милицией по факту разбойного нападения уголовное дело было на десятый день передано в районную прокуратуру, поскольку действия преступника, стрелявшего в Становского, надлежало дополнительно квалифицировать как покушение на убийство, а это опасное преступление подсудственно органам прокуратуры.

Измайлов — так звали обвиняемого — отрицал все. Он, по его словам, случайно оказался в компании мало-знакомых ему лиц, которые пригласили его поехать к ним домой, чтобы еще немного выпить. То, что они напали на таксиста,— полная для него неожиданность. Сам он очень этого испугался и участия в разбойном нападении не принимал. Пистолет ему кто-то сунул в карман, когда они все разом бросились бежать. Он ни в кого не целил, когда стрелял, и убивать не хотел — пугал только, не желая попадать в милицию, боясь, что не разберутся по-настоящему и ошибочно арестуют его как соучастника преступления, которого он на самом деле не совершал,— что и произошло в действительности. Такова была версия Измайлова. При всей ее несуразности она тем не менее выполняла свою основную задачу — не дать следствию ничего конкретного, реального, ничего такого, за что можно было бы зацепиться.

При таком положении приходилось большие надежды возлагать на уголовный розыск.

Женщина, у которой пытался укрыться Измайлов, оказалась посторонним, случайным человеком в этой истории,— Измайлов позвонил в первую попавшуюся квартиру. Женщина пустила его, во-первых, потому, что он говорил, будто за ним гонятся хулиганы, а во-вторых, потому, что Измайлов обещал ей за это деньги; а когда стало ясно, что вовсе не хулиганы гнались за Измайловым, эта женщина поддалась соблазну, и, по-

зарившись на обещанную ей сумму, пыталась спрятать Измайлова от работников милиции, не задумываясь о последствиях. Бывает и так. Один человек сознательно рискует жизнью, чтобы задержать опасного преступника, другой — укрывает этого преступника, рассчитывая получить с него деньги.

* * *

Поначалу следствие складывалось удачно. Донцов вскоре удалось прочно «привязать» Измайлова к пистолету, который к тому времени был сдан в научно-технический отдел ГУВД — на экспертизу. Были получены показания от бывшей жены Измайлова о том, что в ноябре или в самом начале декабря Измайлов приходил к ней на работу и во время разговора, происходившего во дворе дома, куда они вышли, он, желая, видимо, похвастать, распахнул дубленку и показал ей заткнутый за пояс брюк пистолет.

Эти свидетельские показания окончательно подрывали версию Измайлова о «случайном» его участии в преступлении. Вину Измайлова можно было считать доказанной. Но оставалась нерешенной более трудная задача — установить его сообщников, о которых Измайлов не говорил ни слова. Как это сделать?

Инспектор уголовного розыска Иванов — это благодаря ему Донцов располагал показаниями бывшей жены Измайлова относительно пистолета — поделился с Донцовым своими предположениями.

— Есть нераскрытое дело о кражах крупных партий цветов из государственных теплиц, — говорил Иванов, дымя крепкой сигаретой. — Потом эти цветы продают на рынках. У меня есть данные о том, что Измайлов как-то связан с этой группой: почему я и стал вплотную им заниматься и еще в декабре вышел на его бывшую жену... Жаль, с ним самим не удалось раньше встретиться... Кстати, вспомнил вот еще что: преступники использовали на кражах автомашину «Жигули»...

— «Жигули»? — живо переспросил Донцов.

— Ну да. А ведь Шелехова-то остановил и посадил к нему трех разбойников тоже водитель «Жигулей», так?

— Верно, — кивнул Донцов.

— Так что, — подвел черту Иванов, — если удастся задержать этих цветочных воров, мы, может быть, убьем сразу двух зайцев..., а то и больше...

Шли дни, а ночные засады, в которых не раз мерз Иванов, не приносили результатов. Шли дни, а из районного отдела уголовного розыска, куда Донцов передал несколько изъятых у Измайлова листов с записанными на них телефонами, обнадеживающих вестей не поступало. Сам Донцов тоже немногого добился, собирая материалы о личности Измайлова. Но вот наконец — это было уже в начале апреля — в кабинет к Донцову вошел победно улыбающийся Иванов, — достаточно было одного взгляда на инспектора, чтобы понять: пришла долгожданная удача!

— Уф! — Иванов устало повалился на стул. — Можешь поздравить. Задержали. Пятерых! С поличным, так сказать, на месте преступления... — Иванов достал сигарету. — Сколько я за ними гонялся, с ума можно сойти! Теперь кончено... Знаешь, ведь сопротивление, сволочи, оказали. Один гад несколько ножевых ранений нанес постовому, но тоже не ушел... — Лицо Иванова посуровело. — А этот парень, милиционер, сейчас в больнице, в тяжелом состоянии...

— Даст бог — поправится, — сказал Донцов.

— Конечно. А все-таки мы их взяли! — Возбуждение все еще одерживало в Иванове верх над усталостью. — Теперь будем «раскручивать» их и «примерять» к Измайлову, — с азартом говорил он.

Но эта «примерка» оказалась непростым делом. Только через три недели Донцову поступило сообщение: разбойное нападение вместе с Измайловым совершил Эмиров.

Нужно было проводить опознание.

...Наступил кульминационный момент. Сейчас, вот именно сейчас, все решалось. Что, если Шелехов не опознает Эмирова?.. Донцов чувствовал легкий озноб волнения и пытался подавить его, держаться спокойно и уверенно — хотя бы внешне.

Момент опознания приближался... Вот Донцов разъяснил участникам опознания их обязанности и права. Вот Эмиров занял по своему усмотрению место среди опознаваемых — вторым слева. Вот Донцов распорядился, чтобы в кабинет пригласили Шелехова, который находился, пока шла подготовка, в комнате дежурного

персонала следственного изолятора. Вот, наконец, вошел Шелехов, встал у входа...

— Александр Борисович,— обратился к нему Донцов,— пожалуйста, посмотрите: не знаком ли вам кто-либо из этих людей? Не спешите, подумайте, посмотрите внимательно...

Шелехов был бледен.

— Мне незачем думать,— вслед за Донцовым заговорил он.— Я его сразу узнал... — У Шелехова в этот момент даже перехватило дыхание от волнения. — Вот он... второй слева...

Эмирнов стоял с безучастным видом, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Вы узнаете его, как человека, который... — предложил пояснить Шелехову Донцов.

— Я узнаю его как человека,— повторил Шелехов,— который... который с двумя другими хотел захватить мою машину... он сидел на переднем сиденье, рядом со мной, и угрожал мне ножом...

— Хорошо.— Донцов сел писать протокол.

— Назовите свою фамилию,— попросил он опознанного.

— Эмирнов. Но я впервые вижу этого человека...

— Разберемся. У нас будет достаточно для этого времени... Итак,— Донцов встал из-за стола,— потерпевший Шелехов опознал гражданина Эмирнова как лицо, совершившее на него разбойное нападение в группе, с применением ножа... Прошу всех расписаться в протоколе...

Вот и все!.. Оpozнание заняло считанные минуты. Если не брать в расчет предыдущие 4 месяца работы по делу...

* * *

Спустя некоторое время был установлен и третий «пассажир» Шелехова — последний участник преступной группы.

Завершив расследование, Донцов пригласил к себе Становского — для ознакомления с материалами дела: официально Становский являлся потерпевшим (в него стреляли), хотя он сам и посмеивался над этим, считая, что в данном случае «потерпевшим» является задержанный им бандит, которому он «намял бока».

Знакомиться с делом Становский отказался.

— Я и так все знаю,— заявил он.

— Ваше право,— сказал Донцов. — А вообще-то я пригласил вас не только для этого. — Он встал, не торопясь застегнул китель и подошел к Становскому. — Спасибо вам, Антон Никифорович! Большое спасибо! — И следовательно крепко, как товарищу, пожал свидетелю руку.

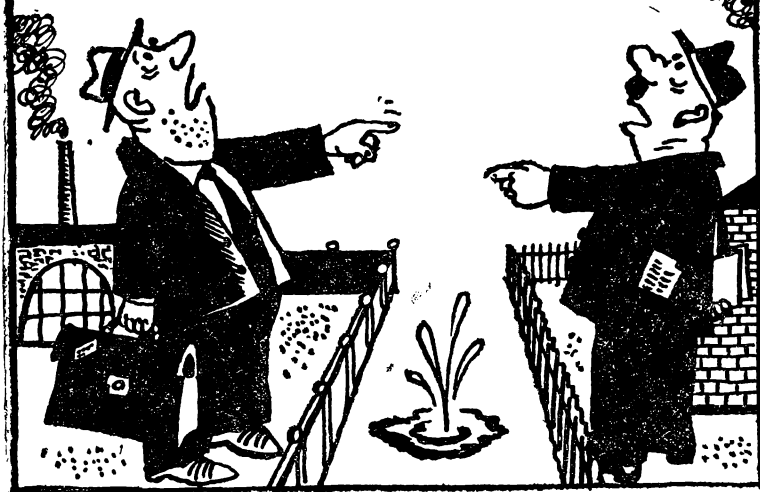
* * *

Выступая по этому делу с обвинительной речью в суде, прокурор подчеркнул повышенную общественную опасность совершенных преступлений. Закон, говорил государственный обвинитель, относит разбойное нападение с целью завладения государственным имуществом к числу наиболее тяжких преступлений и предусматривает строгое наказание. Прокурор говорил и о том, что в данном случае имело место покушение на убийство человека, выполнявшего свой общественный долг, а потому действия Измайлова надлежит квалифицировать как покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах.

...Суд учел все, и преступники понесли заслуженное наказание. В соответствии с законом.

Константин Россошанский

АРБИТР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Будучи по основной своей профессии радиожурналистом и направляясь несколько лет назад впервые в государственный арбитраж при исполкомах Ленинградских областного и городского Советов народных депутатов, я долго и мучительно думал над тем, как «озвучить» (выражаясь языком звукорежиссеров радио) репортаж, записанный там. Понятно, что, предположим, радиорепортаж с хоккейного матча должен сопровождаться шумной реакцией болельщиков и свистками арбитра, а в ходе радиорейда по борьбе с нарушителями правил уличного движения непременно нужно как бы воссоздать атмосферу одной из центральных магистралей города — с помощью милицейских свистков, сигналов автомобилей, шума самой улицы и так далее...

Однако знание этих азбучных истин радиожанра в данном случае оказалось совершенно ненужным, так как ничто не могло помочь, когда я включил микрофон во время заседания государственного арбитража. Кто хоть раз бывал на таких заседаниях, хорошо знает:

обычно они проходят спокойно, даже несколько буднично, без особых эмоциональных всплесков со стороны его участников. Если бы я понимал в тот момент, что скрывается за подобными, весьма корректными диалогами представителей двух или более организаций, обратившихся к помощи арбитража, чтобы разрешить свой спор! О! Тогда любой из этих диалогов мог бы при очень небольшой фантазии лечь в основу самой что ни на есть детективной истории со всеми присущими ей атрибутами — погонями, запутанным следствием, а в финале — фразой: «Встать! Суд идет!..»

Прежде чем продолжить эти заметки о деятельности государственного арбитража, как одного из, скажем пока, несколько необычных в системе других правоохранительных органов, я и хочу предложить вниманию читателей одну из таких, почти детективных историй, о которой впервые услышал довольно случайно. Это дело рассматривалось в арбитраже 19 ноября 1980 года. Прощу, запомните пока эту дату...

* * *

Итак, жил-был некто Лялькин, водитель машины, принадлежащей автотранспортному предприятию № 6. Он хорошо знал цену грузовику в нашей быстротекущей жизни: не брезговал так называемыми «левыми» перевозками и подсадками пассажиров, особенно в ночное время...

Но с некоторых пор он раз и навсегда покончил с вышеупомянутыми способами заработать. Вы думаете, произошло нечто такое, что, с его точки зрения, снизило роль автомобиля в жизни человечества? Или, быть может, Анатолий Алексеевич решил вернуться на честный трудовой путь, отказавшись от незаконных источников дохода? Ничуть не бывало! Просто он нашел новый источник — куда более обильный и, как ему казалось, неиссякаемый.

Как-то утром, возвращаясь домой после ночной смены, Лялькин вдруг подумал: «А почему бы не начать развозить по городу (что бы вы думали?)... воздух?!» Он рассуждал примерно так: во-первых, не надо будет, таясь от инспекторов ГАИ и потому объезжая оживленные перекрестки, ощущать взмокшей спиной, как, подобно тебе, в кузове трясется (от неровностей дороги, а может и от страха) владелец холодильника или шкафа, а во-вторых, развозить воздух — это, как бы сказать, респектабельней, что ли.

Забегаая вперед, поясним, правда, что представление о респектабельности у Лялькина, если и могло быть, носило несколько странноватый, мягко выражаясь, оттенок, понятный лишь очень узкому кругу лиц, с которыми он познакомится позже, после зала судебного заседания. Потому что в плане, который мог родиться лишь в голове Лялькина, главное место занимал, собственно, не сам воздух, а... его упаковка: попросту обычные, пустые, естественно, молочные бутылки. Теперь представьте, как едет Анатолий Алексеевич, допустим, по Московскому проспекту: весело погромохивают за его уверенной спиной бутылки в металлических корзинах или полиэтиленовых ящиках. А навстречу — инспектор ГАИ:

— Откуда едете, товарищ Лялькин?

— Из магазина номер одиннадцать, — не моргнув, ответит тот. — Фрунзенского райпищеторга!

— А куда едете?

— Не видите разве? — удивленно заметит обидчивый Лялькин. — На первый молочный завод объединения «Ленмолпром» сдавать посуду!

И что вы думаете: документы — путевой лист, товарно-транспортная накладная — подтвердили бы, что все это чистая правда. Якобы — чистая! Потому что лишь скроется за поворотом фигура в милицейской форме, Лялькин сделает резкий поворот руля, как говорится, «влево» и... сдаст всю эту тару оптом, вместе с корзинами и ящиками, одному из знакомых приемщиков посуды. Выручку за стоимость перевозки воздуха в такой упаковке — а это от 600 до 1000 рублей — они, естественно, поделят пополам с тем же приемщиком посуды, а товарно-транспортную накладную Анатолий Алексеевич попросту выбросит, как документ не только ненужный, но теперь уже и уличающий, поскольку в такой накладной, конечно, не может быть штампов молочного завода о приеме от него, Лялькина, целой машины тары.

Вот почему более респектабельным, по сравнению с заработками от «левых» рейсов, казался ему найденный источник дохода.

Но неужели, спросите вы, не ведется никакого учета, и, получив стеклотару в таком количестве, можно распорядиться ею по своему усмотрению? Ответим: конечно, ведется. Именно поэтому Фрунзенский райпищеторг, так и не дождавшись оплаты за отправленную на молочный завод посуду, обратился в государственный

арбитраж с иском к объединению «Ленмолпром» и, естественно, к грузовому автопредприятию № 6. Но если представители «Ленмолпрома» смогли тотчас убедительно доказать, что в означенные дни никакой посуды из магазина № 11 и других они не получали, то второй ответчик по делу так и не смог досконально проверить, куда же дел бутылки нерадивый Лялькин.

Обратите внимание: именно о нерадивости, а не о злом умысле Лялькина можно было судить по документам, которые представило во время рассмотрения дела в арбитраже автопредприятие. И причина тому, видимо, бесконтрольность, которая царила здесь до определенного времени. В результате решением государственного арбитража стоимость похищенных материальных ценностей была взыскана именно с грузового автотранспортного предприятия № 6.

В протоколе заседания государственного арбитража, датированном 19 ноября 1980 года, есть и еще одна строчка, оказавшая существенное влияние на судьбу Лялькина: сравнивая копии товарно-транспортных накладных, связанных с пропадающей время от времени посудой, государственный арбитр заметил, что фамилия во многих из них — одна и та же. Позже, кстати, суд установит, что даже там, где были вписаны другие фамилии, за рулем сидел все тот же Лялькин. Словом, сообщение о своем открытии арбитр немедленно направил во Фрунзенское районное управление внутренних дел. Так и было раскрыто это преступление.

Остается добавить, что в обвинительном заключении по этому делу, которое мне показали в прокуратуре Фрунзенского района, наряду с другими документами, уличающими Лялькина и его семерых сообщников в совершении преступления, я вновь встретил уже знакомый мне протокол заседания Государственного арбитража от 19 ноября 1980 года.

* * *

А теперь, как бы вместо комментария к только что прочитанной вами почти детективной истории, — короткое интервью с одним из сотрудников государственного арбитража Ленинграда и Ленинградской области Т. В. Королевой.

— Конечно, деятельность арбитров не надо смешивать с работой сотрудников следственного аппарата прокуратуры и органов внутренних дел, ОБХСС,— говори-

ла мне при встрече Тамара Владимировна. — У нас и методы с ними разные. Но цель, пожалуй, одна — обеспечение социалистической законности.

— Вы говорите, цель — одна, но формы ее достижения — разные, Тамара Владимировна. Тогда, пожалуйста, немного о том, как, скажем, выглядит рабочий день арбитра?

— Ну, если в двух словах, в среднем каждый из нас рассматривает в день до десяти и более дел. И к каждому из них, как вы понимаете, надо еще успеть подготовиться: просмотреть периодическую литературу, ознакомиться с теми или иными нормативными актами, с пособиями по специальным вопросам — не даром у нас рассмотрение споров специализировано: каждый арбитр связан с определенной группой споров — по перевозкам, по строительству и другим отраслям народного хозяйства. И у каждого эти дела могут быть совершенно различными по содержанию: скажем, спор о взыскании неустойки в связи с нарушением договорной или фондовой дисциплины, либо — о взыскании штрафов за низкое качество продукции.

Для наглядности подчеркну, что под словом продукция в одном случае может иметься в виду, допустим, трактор, в другом — удобрение. И вот, чтобы убедиться, что то или иное, например, минеральное удобрение — низкого качества, арбитр при рассмотрении спора должен проверить, соответствует ли анализ, полученный в лаборатории поставщика, результатам анализа, зафиксированного в акте предприятия-получателя и ГОСТу, вплоть до содержания фосфорной кислоты, окиси фосфора, гранулометрического состава.

— То есть вам, как арбитру, пришлось в этом случае в буквальном смысле взяться за учебники химии?

— Конечно. Поэтому я и говорю, что арбитру приходится сталкиваться и с техническими вопросами, и с вопросами технологии производства. Вспоминаю дело, которое возникло вследствие недостачи изоляционной древесноволокнистой плиты, которую Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат поставлял тресту «Верхневолжсктара».

Товар прибыл к получателю из Ленинградской области по железной дороге. Комиссия при участии представителей общественности составила акт приемки груза, в котором якобы была зафиксирована недостача. Я говорю «якобы», потому что ответчик, целлюлозно-бумажный комбинат, возражая против иска, ссылаясь

на то, что, если судить по железнодорожным документам, вагон был подан под выгрузку второго июня в двадцать три часа тридцать минут, а убран, то есть выгружен, третьего июня в четырнадцать часов — на следующий день. Между тем акт приемки, представленный трестом «Верхневолжсктара» в госарбитраж, был датирован и утвержден второго числа. Отсюда следовало, что сведения, которые могли быть известны комиссии лишь на другой день, никак не могли попасть в этот акт. Поэтому в иске я отказала, поскольку истцом была грубо нарушена инструкция о порядке приема груза, то есть комиссия допустила недобросовестность, а руководство треста, скажем прямо, — юридическую безграмотность.

Как раз вот такие нарушения, если они становятся систематическими, создают на предприятиях условия для порчи, хищения государственного имущества и других злоупотреблений, связанных с нарушениями социалистической законности. Поэтому при обнаружении каждого такого случая арбитраж направляет сообщения в следственные органы, в органы прокуратуры, чтобы, как это было в деле с уже упоминавшимся Лялькиным и в случае, о котором я рассказывала, правоохранительные органы на месте проверили, как соблюдается социалистическая законность на том или ином предприятии, а при необходимости возбудили уголовное дело по признакам, скажем, статьи сто семьдесят второй Уголовного кодекса РСФСР — за халатность, злоупотребление, или других статей.

— Словом, чтобы был наведен порядок?

— Да, и наказаны виновные в нарушении закона... Ну, а если продолжить рассказ о нашей работе, хочу подчеркнуть, что государственный арбитр возбуждает дела не только по искам организаций, которые считают себя потерпевшими, но и по материалам печати, статистического управления, органов Госбанка, Гослесинспекции и другим источникам информации о тех или иных нарушениях хозяйственного права.

Например, однажды мой коллега Л. Д. Малкин, изучив материалы Госстандарта, по своей инициативе возбудил ряд дел из-за низкого качества парфюмерных изделий, выпускаемых комбинатом «Северное сияние». В свое время это помогло администрации и партийной организации комбината принять соответствующие меры для пересмотра технологии производства и улучшения качества выпускаемых парфюмерных изделий.

Еще одна особенность деятельности государственного арбитра: мы работаем только по документам. Если речь идет о недостатке или плохом качестве продукции, судим об этом на основании приемных актов, если иск связан с неоплатой товара — на основании расчетных документов, то есть, как правило, самой продукции и людей, которые ее выпускают, мы чаще всего не видим, исключая, конечно, представителей самих этих предприятий. Но надо сказать, что эффективность своей работы все равно чувствуем, потому что знаем: в результате рассмотрения дела из государственного арбитража уходят удовлетворенными не только представители, скажем так, потерпевшей стороны, в пользу которой взыскан ущерб, но нередко, как это ни покажется странным, и представители предприятия, с которого эта сумма ущерба взыскана. Почему? Потому что, вынося решение, арбитр, кроме того, вскрывает какие-то нарушения в вопросах соблюдения производственной дисциплины, дает рекомендации об устранении нарушений в определенный срок. Причем решения и сообщения, как называют в арбитраже эти рекомендации арбитра, являются документами, обязывающими руководство предприятия ликвидировать недостатки в работе, а тем самым — не допустить еще больших убытков в будущем. И это очень важная часть деятельности государственных арбитражей.

В самом начале повествования я не случайно упомянул об арбитраже на хоккейной площадке. Действительно, выражение «спортивный арбитр» знакомо многим из нас. Но вот о том, насколько важна деятельность такого органа, как государственный арбитраж, в управлении хозяйственным механизмом страны, знают не очень многие.

Откройте словарь, и вы увидите, что в переводе с французского слово «арбитр» означает «посредник, судья по примирительному или так называемому третейскому разрешению споров». Государственный арбитраж в нашей стране — это не судебный орган, хотя стороны, с которыми имеет дело арбитр, как вы уже поняли, называются «истец» и «ответчик». Иначе говоря, работнику арбитража все-таки приходится решать, кто из двух или более сторон прав, а кто виноват.

Созданные еще при жизни В. И. Ленина, в 1922 году, органы государственного арбитража оправдали себя как принципиально новая форма, возможная только при централизованном государственном управлении,

воздействия на хозяйственные взаимоотношения между предприятиями, учреждениями и организациями и, в конечном итоге,— на экономику страны. В Законе о государственном арбитраже в нашей стране, принятом Верховным Советом СССР в ноябре 1979 года, конституционно закреплены самые разнообразные функции этого органа — такие, как защита прав и законных интересов тех или иных трудовых коллективов, обеспечение выполнения ими плановых заданий и договорных обязательств, борьба с проявлениями местничества и ведомственности, с элементами бесхозяйственности и многими другими. Нет нужды перечислять все их подробно, желающие могут ознакомиться с этим документом, опубликованным в свое время во всех центральных газетах. Мне же хотелось более подробно остановиться на двух сторонах деятельности государственного арбитража как организации, входящей в систему правоохранительных органов и в своем роде уникальной: на том, сколько и какой информации, как говорится, проходит через руки государственных арбитров.

Что я имею в виду?

А давайте попробуем задаться вопросом: для кого могут представить интерес (помимо, естественно, сторон, участвующих в споре) самые разнообразные документы и факты, цифры и отчеты, которые после разрешения спора зачастую оседают без использования на архивных полках государственного арбитража?

— Вопрос, конечно, довольно интересный,— оживилась Т. А. Бадина, главный государственный арбитр Ленинграда и Ленинградской области. И ответила, как обычно, рассказав одну из историй: — Представьте себе, что я, как и все смертные, по пути с работы нередко захожу в молочный магазин недалеко от своего дома, на Васильевском острове. И вот одно время случалось, что к концу рабочего дня товаров на его прилавках было, что называется, не густо. Думала: в чем же дело? Пока в течение некоторого периода к нам, в арбитраж, не поступило несколько исков от торговых организаций в связи с недопоставкой молочной продукции. Конечно, мы эти иски в большинстве своем удовлетворили, положение со снабжением магазинов несколько улучшилось...

Но вот к каким, казалось бы, побочным выводам пришли мы при более внимательном изучении дел на предприятиях молочной промышленности да и некоторых других. Выяснилось, что отдельные руководители

предприятий, планируя модернизацию, скажем, производства, подходят к этому формально, не заботясь о том, чтобы действительно, говоря языком экономистов, повысилась производительность труда на одного работающего или быстрее окупилась вновь введенные основные фонды. Например, осваивается новая поточная линия и для ее обслуживания увеличивается коллектив цеха еще на одного инженера, техника или двоих-троих рабочих. При этом фактически штат людей увеличивается, а ведь модернизация в основе своей предполагает как раз обратное.

И происходит это потому, что не все руководители еще научились мыслить перспективно, на много лет вперед. Отсюда то осторожничанье по отношению к новым, но пока еще не апробированным технологическим разработкам, те, можно сказать, полумеры, которые приводят к тому, что результатом модернизации, бывает, становится не создание принципиально иной технологии производства, а лишь некоторое усовершенствование старой. Вот вам один из ответов на вопрос, кому может быть интересна информация, которой располагает государственный арбитр: она, несомненно, много дала бы плановикам, специалистам по организации и управлению производством, социологам, наконец самим руководителям предприятий города и области. Я уже не говорю о наших коллегах, представителях органов,— в случае, если речь идет о том, что новое дорогостоящее оборудование пришло в негодность по чьей-то вине, простояв во дворе фабрики или завода несколько месяцев...

Слушая Т. А. Бадину, я, признаться, подумал еще вот о чем: конечно, в большинстве случаев информация, которую она имеет в виду, вероятно, представляет интерес лишь для специалистов того или иного профиля,— на основании, скажем, бухгалтерских или финансовых документов, технико-экономических показателей они смогли бы сделать вывод о том, в каком направлении нужно было бы развиваться заводу отрасли, либо что и по какой причине является слабым звеном в деятельности того или иного предприятия, даже целой цепочки предприятий, связанных между собой хозяйственными договорами-обязательствами. Мне же — неспециалисту в этих вопросах — после рассказа Тамары Александровны, признаться, даже само слово арбитраж стало как-то ближе, что ли. У вас не возникло такого же ощущения, уважаемый читатель? В самом деле, несмо-

тря на кажущуюся некоторую абстрактность экономических, технических терминов и понятий, которыми оперируют арбитры, рассматривая дела, проблемы, последние, в конечном итоге, согласитесь, связаны с повседневными заботами и интересами каждого из нас.

* * *

Но вернемся к двум наиболее важным сторонам деятельности арбитража. Первая из них, можно смело сказать,— поистине государственного значения. Проиллюстрирую это примером, о котором мне поведал арбитр Э. И. Жаворонков. Не удивляйтесь, речь снова пойдет о бутылках, правда теперь уже пивных. Да-да, тех самых пустых пол-литровых бутылках, сдавать которые в приемные пункты посуды приходится время от времени, наверное, каждому из тех, кто читает эти строки.

Вспомните, до недавнего времени сдавать такую посуду было делом весьма неблагоприятным: то приемный пункт закрыт, то — длинный, в несколько колец хвост очереди... Наконец преодолены эти два барьера, и вот-вот наступит ваш черед сдавать посуду в узенькое окошечко. Однако вам еще неизвестно самое страшное: в тот момент, когда, чуть заискивая перед приемщиком, вы вынимаете из своей сумки первую бутылку, вас огощают коротким, но неумолимым:

— Тары нет!..

Так было совсем до недавнего времени. И об этой проблеме не раз задумывались государственные арбитры, сталкиваясь, и не так уж редко, с исками торговых организаций к Ленинградскому объединению «Ленпиво» имени Степана Разина. А когда подобных дел накопилось столько, что можно было сделать какое-то обобщение, оно было сделано. И в Москву, в Государственный арбитраж при Совете Министров СССР было направлено письмо-сообщение, в котором содержались конкретные предложения ленинградских арбитров по решению этой проблемы с бутылками.

Как выяснилось, она возникла оттого, что количество пустой стеклотары из-под пива значительно превышало возможности в приеме этой тары объединением «Ленпиво». И, кстати говоря, руководство объединения в этом случае нельзя было обвинить в невыполнении договорных обязательств: ведь в соответствии с существовавшей многие годы практикой количество бу-

тылок, отправляемых из объединения в торговлю, должно было быть равным тому количеству, которое работники торговли возвращали обратно на предприятие. Казалось бы, все должно было «сходиться». Если бы не еще одно обстоятельство. Оно заключалось в том, что в магазины города точно в такой же таре поступала различная продукция не только из объединения «Ленпиво», но и со многих других, даже иногородних предприятий. Именно эта, «лишняя» тара, накапливаясь из года в год в приемных пунктах магазинов, и «портила» взаимоотношения работников прилавка, с одной стороны, и объединения «Ленпиво» — с другой.

Вот почему, взвесив все «за» и «против», ленинградские арбитры пришли к выводу, что узаконенный порядок, ограничивавший возможности объединения в приемке тары и потому мешавший решать эту проблему, видимо, устарел, о чем и было написано в сообщении, адресованном в Москву. Не без гордости показывали мне в здании на Невском, 12, письмо-разъяснение Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 20 января 1984 года. В этом письме всем министерствам, государственным комитетам и ведомствам, государственным арбитражам союзных и автономных республик, арбитражам краев, областей и городов — всем им предписывалось ввести новую практику во взаимоотношениях между покупателем и поставщиком, словом, преодолеть межведомственные барьеры и решить эту действительно важную в масштабах даже всей страны проблему.

И таких примеров на счету государственного арбитража Ленинграда и области немало — когда, благодаря инициативе арбитров, была пересмотрена та или иная статья законоположения, уже не отвечающая сегодняшнему дню.

— Я мечтала бы работать в таком арбитраже, который рассматривал бы дела, возникающие не по причине правовой неграмотности одной или обеих сторон или того хуже — вследствие грубого нарушения хозяйственного права, а такие, при которых бы выявлялась сущность той или иной нормы, законодательного акта, инструкции — их правомерность на данном историческом этапе, конечно применительно к спору, возникшему в какой-то конкретной ситуации, — эти слова принадлежат главному государственному арбитру госарбитража Ленинграда и Ленинградской области Т. А. Бадиной.

Кто знает, может быть, в недалеком будущем именно эта роль государственного арбитража станет основной. Пока же немалую часть времени государственных арбитров занимает другая работа. На этой второй и чрезвычайно важной стороне деятельности арбитража, как правоохранительного органа, стоит остановиться поподробнее.

Казалось бы, общеизвестно, что любая вольная трактовка каких-либо инструкций, нормативного акта, типового положения, тем более пренебрежение ими равносильны грубейшему нарушению закона и, в соответствии с основным принципом советского законодательства, неотвратимо влекут за собой наказание виновных.

Приведенные примеры относятся к тем, когда нарушение закона совершенно очевидно. В практике же рассмотрения дел государственным арбитражем немало случаев, когда доказать то или иное нарушение бывает гораздо сложнее. Такие случаи, как правило, связаны с хозяйственными взаимоотношениями между предприятиями, причем независимо от того, заключен между ними договор-обязательство или нет.

Небольшое отступление о самом понятии «договор-обязательство». Как известно, практически ни одно изделие в современной промышленности не выпускается целиком одним предприятием. Скажем, автомобиль или женское пальто, мебель или детская игрушка — детали к ним изготавливаются на десятках и сотнях самых разных предприятий на основе широкой кооперации, суть которой — специализация и концентрация производства. Отсюда и зависимость одного предприятия от другого, и даже зависимость от целого ряда предприятий. Обосновать и закрепить эти взаимоотношения между предприятиями как раз и призвана такая эффективная правовая форма, как договор. Он позволяет учесть особенности взаимоотношения сторон, согласовать их индивидуальные интересы, и главное — договор действительно дает юридические гарантии для его участников, ибо одностороннее изменение условий договора не допускается, а их нарушение влечет обязанность возместить причиненные убытки. Словом, заключение договора есть, как говорят правоведы, факт юридический и, следовательно, с момента его заключения приобретающий силу закона.

Однако этот факт, как ни странно, до сих пор уяснили далеко не все руководители предприятий, учреждений и организаций. И едут во все концы страны

печально известные «толкачи», «выбивая» у поставщиков, с которыми не связаны договорами, документацию, комплектующие изделия, запасные части. И тратятся на эти разъезды тысячи рублей командировочных расходов и, кроме того, неучтенные рубли — на так называемые личные «презенты» представителям поставщиков...

К сожалению, и у нас, в Ленинграде, нет-нет да и находятся еще администраторы, верящие в «толкачей» и «личные связи», то есть в категории, давно канувшие в лету.

Небольшой пример из области, близкой читателям. Кто из нас сегодня удивляется тому, сколь много в современной квартире разновидностей бытовой техники? Это кажется нам уже вполне привычным и само собой разумеющимся. Ну а как вы думаете, сколько предприятий, учреждений и организаций прямо или косвенно связано с приходом в ваш дом представителя объединения «Ленрадиобыттехника» — мастера по ремонту, допустим, телевизора? Думается, никому не придет в голову, что их более 150, расположенных как в Ленинграде, так и в других городах страны.

Впрочем, предчувствую, что в этом месте повествования иной читатель в сердцах воскликнет:

— Да какое мне дело, сколько заводов связано с этим мастером?! Лучше бы объяснили, почему сначала его домой не дозваться, а если и придет, телевизор после ремонта работает неделю-две! Обратишься вновь, отвечают: «Деталей нет!»

Что ж, предчувствуя этот вопрос владельцев телевизоров, раздраженных взаимоотношениями с ателье по ремонту, я вновь обратился за разъяснением к Т. А. Бадиной.

— Вопрос этот неслучайный, — начала Тамара Александровна. — Еще в конце восьмидесят четвертого года газета «Ленинградская правда» опубликовала статью о работе объединения «Ленрадиобыттехника», из которой следовало, что в работе этого предприятия есть много недостатков, которые прямо отражаются на уровне обслуживания населения. И, кстати сказать, на деятельность этого объединения мы, работники арбитража, вынуждены были обратить внимание в связи с увеличивавшимся количеством дел, которые возникли с участием «Ленрадиобыттехники». Проанализировав те дела, которые у нас были, мы пришли к выводу о необходимости провести выездное заседание государственного ар-

битража, изучить состояние дел на месте. И что же мы увидели? Что одна из причин неудовлетворительной работы предприятия заключается в пренебрежении к такому сильному правовому средству, как договор с изготовителями этой сложной бытовой техники, который гарантировал бы получение технической документации, схем этой бытовой техники, наконец, запасных частей, вовремя. А ведь мастерскими этого объединения, как вы уже знаете, ремонтируется техника, изготавливаемая 150 заводами страны, и (по идее!) эти 150 заводов должны заключить договоры с «Ленрадиобыттехникой», чтобы облегчить работу этой организации. Но договоры на самом деле заключены лишь с 70 предприятиями, а это значит, что менее половины изделий сегодня обеспечены технической документацией, что получение запасных частей приобретает случайный характер, что увеличивается, следовательно, и количество жалоб ленинградцев на плохой ремонт бытовой радиоаппаратуры.

Государственный арбитраж дал рекомендации руководству объединения, были приняты конкретные меры по оказанию действенной помощи предприятию. А что касается конкретных виновных, я думаю, есть основания для дисциплинарной ответственности за те упущения, которые имеются.

Можно привести примеры, когда и договоры заключены, однако они не выполняются, — продолжала Т. А. Бадина. — В этих случаях у нас, в арбитраже, в ходе рассмотрения дел не раз приходится слышать довод такого свойства, что, мол, мы (представители той организации, которая нарушила свои договорные обязательства) сделали это, исходя из соображений выгоды для нашего коллектива в такой-то конкретной ситуации. Но теперь на минуту представьте себе, чем обернется подобная точка зрения на «выгоду» для предприятия, которое, оказавшись в роли пострадавшего, не получило от этих «выгадавших» каких-то деталей, материалов или другой продукции? Коллектив этого предприятия не сможет выполнить своего дневного или недельного задания, следовательно, он автоматически подведет какое-то третье предприятие, для которого уже он, пострадавший, является поставщиком. И потянулась цепочка невыполненных планов, сорванных заказов и так далее.

Вот к чему могут привести соображения так называемой местной выгоды. А начинается все, как помните, с нарушения договора. Поэтому я всегда говорю, что,

каков бы закон ни был, пока он не пересмотрен или не дана его новая трактовка, соответствующая требованиям сегодняшнего дня, его надо соблюдать, ибо это — единственный способ, если хотите, единственный язык, на котором может договориться друг с другом при полном уважении к взаимным правам и обязанностям любое количество предприятий, учреждений и организаций. Словом, надо всегда уважать закон...

Что и говорить, к сожалению, до сих пор нередко случаи, когда из-за такой вот правовой беспринципности в отношении соблюдения договорных обязательств одних организаций страдают другие. При этом заметим: руководители предприятий, объясняя срыв в выполнении договорных обязательств, зачастую кивают и на так называемые объективные причины. Что ж, иногда такие причины действительно имеют место, и это учитывается государственными арбитрами при решении того или иного спора. Но будем откровенны: в большинстве своем подобные нарушения закона на самом деле объясняются другим — низким уровнем технологической, исполнительской и трудовой дисциплины, плохо продуманной системой организации и культуры труда, а в более широком смысле — безответственностью.

— А какие социальные последствия может иногда вызывать подобная безответственность? — В разговор вступает заместитель главного государственного арбитра госарбитража Ленинграда и Ленинградской области В. А. Тарасов. — Возьмите проблему дефицита: ведь она в большой степени зависит не только от недостатков. Проблема дефицита — это и качество продукции, и, конечно, ее ассортимент. Я не буду говорить о поставках ленинградскими швейными предприятиями бракованных изделий торговым фирмам города, хотя таких примеров предостаточно. Но вот другой пример. Как известно, в апреле 1983 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в котором, в частности, отмечалось, что порой торговые организации без должной ответственности подходят к определению потребностей населения, заказывают продукцию, а затем отказываются от этой продукции и товаров.

— Судите сами, — продолжает Валерий Александрович, — насколько актуальным и нужным был выход этого документа, если в том же восемьдесят третьем году мы рассматривали в государственном арбитраже такое дело. В свое время Ленинградская база «Рособувьторга» заказала на первое полугодие 1983 года объединению

«Скороход» партию обуви очень больших размеров. А затем оказалось, что эта продукция, как говорится, оседает на полках магазинов — не пользуется спросом. И тогда в марте 1983 года руководители этой базы обращаются в государственный арбитраж с тем, чтобы мы удовлетворили их требование уменьшить поставки обуви крупных размеров за счет увеличения поставок той же обуви, но меньших размеров. Но, сами понимаете, колодки для обуви, заказанной первоначально, уже почти все были изготовлены, и часть их была запущена в производство; как говорится, «поезд ушел», ничего в этом плане изменить не представлялось возможным. И госарбитраж, конечно, отказал базе в изменении условий заключенного договора...

— Несмотря на последствия? — спросил я.

— Да, — ответил Тарасов, — потому что отрицательные последствия недостаточно изученного спроса товаров народного потребления в данном случае должны ложиться на прямых виновников, то есть представителей торговли. Хотя, конечно, из-за такой нераспорядительности, неумелого изучения спроса страдает прежде всего население: вот он — дефицит, как говорят, в разрезе. С подобным примером мы все, ленинградцы, столкнулись некоторое время тому назад в связи с «пропажей» зубной пасты. Оказалось, что торговые работники просто не побеспокоились своевременно, хотя была такая возможность, о том, чтобы приобрести зубную пасту в необходимом количестве. Отсюда те перебои, которые ощутили мы все. А ведь психология покупателя еще и такова, что, предположим, сегодня нет, там, зубной пасты или какого-то другого товара — набирается все это впрок. В результате, чтобы покрыть возникший стихийно дефицит, иногда необходимо выбросить на прилавки чуть ли не в три раза больше товаров, чем было необходимо до возникновения дефицита. Это все — тоже свидетельство того, как неумелая торговля, непрофессиональный подход к изучению спроса приводят к созданию искусственного дефицита.

— Не могу не упомянуть в связи с этим и еще один факт, — вновь слово главному государственному арбитру Тамаре Александровне Бадиной. — В марте восемьдесят четвертого года Президиум Совета Министров РСФСР рассмотрел вопрос о деятельности органов Государственного арбитража РСФСР и обязал их усилить воздействие на предприятия и организации, которые нарушают договорную дисциплину. Особое внимание Со-

вет Министров обратил на необходимость доводить ответственность за нарушение, повлекшее за собой серьезные убытки, до конкретных виновных лиц, чтобы понесенный предприятием ущерб из-за халатности, небрежности, недисциплинированности какого-то работника был отнесен за счет этого же человека.

Так, например, госарбитражем было вынесено решение в связи с выпуском и поставкой в торговую сеть недоброкачественного проявителя для фотобумаги экспериментальной фабрики спецбумаг и пленок ЛОС «Динамо». Решение о штрафных санкциях с этого предприятия было принято в октябре 1984 года, а в том же месяце мы получили ответ от его директора, что в счет погашения убытков на лиц, виновных в выпуске бракованной продукции — главного инженера и начальника юридического отдела, наложено дисциплинарное взыскание и с них взыскано, кроме того, по должностному окладу.

Я могла бы привести немало подобных примеров из разных отраслей, — продолжает Тамара Александровна, — и все они свидетельствуют о все большем внимании не только руководителей предприятий, но и общественных организаций к вопросам соблюдения государственной дисциплины. К сожалению, обо всех проблемах, которые возникают в практике работы государственного арбитража, не скажешь. Нас наряду с тем, о чем я говорила, очень волнуют вопросы борьбы за сохранность социалистической собственности. Могла бы я привести пример, когда в Морском порту вместо того, чтобы бережно относиться к дорогостоящим импортным грузам, при выезде с территории порта снимают пломбу и больше фургоны не опечатывают. Можно было бы привести много других примеров...

Но скажем главное: арбитраж не смог бы добиться большого эффекта без участия в нашей работе других правоохранительных органов. Досадно иногда бывает, что работники отдельных предприятий и организаций проходят мимо тех недостатков, которые там есть. Правда, происходит это часто еще и потому, что трудовые коллективы надлежащим образом не информируют о тех упущениях, которые имеются на предприятиях, о тех суммах санкций и штрафов, которые взыскиваются за ущерб, нанесенный другим предприятиям. И задача каждого работника — не только хорошо, ответственно работать на своем месте, но и не проходить мимо любого нарушения, реагировать на них всеми возможными

и доступными средствами. В конечном итоге от каждого труженика зависит, как предприятие, на котором он работает, будет выполнять план, какой порядок будет на этом предприятии. А для этого каждый из нас должен занимать твердую гражданскую позицию, реагируя на любой факт бесхозяйственности, чего бы он ни касался: нарушений ли договора, качества ли продукции, правильной ли упаковки и отгрузки готовой продукции.

Если все жители нашего города не будут проходить мимо фактов бесхозяйственности, нарушений дисциплины — трудовой, производственной, технологической, плановой — то можно надеяться, что общими усилиями будет наведен надлежащий порядок на предприятиях, в организациях и учреждениях. А это значит, что будет соблюдена государственная и договорная дисциплина, и все это будет способствовать успешному выполнению плановых заданий, поставленных перед тружениками Ленинграда и Ленинградской области, а в конечном итоге — повышению благосостояния советских людей.

Александр Михайлов

ОТЦЫ, МАТЕРИ И ДЕТИ

На скамье подсудимых — подростки. Один — с опущенной головой, другой — с дерзко-вызывающим, подчеркнуто беспечным взглядом... Разные и в чем-то одинаковые. Первые итоги их короткой жизни подвело судебное рассмотрение. Уже не шалость и озорство, а пугающее слово — преступление. Рядом — не учителя, не родители, а конвоиры. Беспорядочно роятся мысли. Быстрый, тайком брошенный взгляд в зал — там самые родные люди — мать, отец... У них вместе с тревогой за судьбу сына (а бывает, что привлекаются к уголовной ответственности и подростки-девочки!) — досада (вот не слушался родительских советов — и угодил под суд), возмущение, сетования на суровость законов (ведь дети еще, несмышлениши, а вот взяли под стражу, будто и впрямь уж закоренелые преступники)... Раздумья тяжелые, но, увы, всегда запоздалые.

«Как это могло случиться? Почему?» Сначала они не верили, что их сын или дочь могли совершить преступление. «Это какая-то чудовищная ошибка!» — говорили

они друзьям и знакомым. Но теперь, когда факт преступления очевиден, они снова и снова мучительно вспоминают то, что предшествовало преступлению, стараются сопоставить те или иные факты, которые, по их мнению, имеют с ними связь, клянут себя за действительные или мнимые ошибки.

А можно ли было сделать так, чтобы не было этого преступления, этого судебного процесса, всей этой трагедии? И если можно, то что именно нужно было сделать? Для тех родителей, ребенок которых, низко опустив голову, сидит на скамье подсудимых, этот вопрос поставлен слишком поздно. Но для других родителей, дети которых относятся к благополучным или почти благополучным...

Конечно, случаи, когда молодые люди оказываются на скамье подсудимых, — явление редкое в нашей стране. Мы высоко ценим нашу молодежь, ее замечательные качества: патриотизм, преданность коммунистическим идеалам, любовь к людям, непримиримость ко всему, что мешает нашему движению вперед.

Для того чтобы выполнить эту задачу — вырастить наших молодых людей «свободными от нравственных изъянов», трудится много людей. Педагоги и писатели, психологи и журналисты, артисты и режиссеры, художники и музыканты — все они стремятся внести свой вклад в воспитание молодого поколения.

Серьезное место в этом деле отведено и юристам. Как правило, им приходится встречаться с педагогически запущенными подростками, с малолетними правонарушителями, применять положение закона при расследовании и рассмотрении уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, заниматься профилактикой, предупреждением правонарушений подростков.

Представляется, что некоторые мысли юриста будут полезны читателю, прежде всего отцам и матерям наших детей.

С какого возраста наступает уголовная ответственность подростков? В соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет. За совершение некоторых опасных преступлений установлена ответственность начиная с четырнадцатилетнего возраста (убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование, разбой, кража, грабеж,

злостное или особо злостное хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного имущества или личного имущества граждан, повлекшее тяжкие последствия, хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, хищение наркотических веществ, а также умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда).

Доля преступности несовершеннолетних в нашей стране сравнительно невелика¹. Несовершеннолетние обычно совершают преступления, которые нельзя отнести к категории особо опасных. Чаще всего это кражи и хулиганские действия (до четырех пятых от всех совершенных ими преступлений). В городах преступность несовершеннолетних выше, чем в сельской местности. Около половины всех преступлений происходит после 22 часов, причем четыре из каждых пяти — в непосредственной близости от места жительства, учебы, работы.

Как правило, несовершеннолетние совершают преступление не в одиночку, а вместе с соучастниками. Естественное стремление к общению со сверстниками иногда приводит к нежелательным контактам с антисоциальными элементами со всеми вытекающими отсюда последствиями².

Попытаемся, опираясь на приведенные выше факты, высказать некоторые советы родителям.

Коль скоро уголовная ответственность за ряд опасных преступлений наступает с четырнадцати лет, прежде всего нужно, чтобы к этому возрасту подросток хорошо знал о своей личной ответственности перед государством за эти действия.

В газетах, по радио, в передачах телевидения нередко и не без оснований критикуют родителей, которые не занимались воспитанием подростка, ставшего на путь преступления, педагогический коллектив школы, допустивший те или иные просчеты в учебно-воспитательной работе, производственный коллектив, который прошел мимо отклонений в поведении подростка, домохозяйство,

¹ В Соединенных Штатах Америки доля преступлений, совершенных лицами до 18 лет, составляет 45 процентов от всех серьезных преступлений. См.: *Леоненко В. В.* Преступность среди молодежи в капиталистических странах. Киев, 1976, с. 17.

² Криминология. Учебник для студентов вузов. М., 1979 с. 189—212.

не обеспечившее культурного досуга подростков по месту жительства. Все это так, но при этом по существу забывают о самом виновнике преступления, о его личной ответственности за содеянное. Отсюда высказывания несовершеннолетнего правонарушителя о том, что он «жертва обстоятельств», что за ним «недоглядели», его «не вовлекли» и т. д. и т. п. Необходимо, чтобы подросток постоянно чувствовал личную ответственность за свое поведение перед обществом и государством, и знал, что именно он, а не кто-либо другой будет подвергнут мерам государственного или общественного воздействия в случае нарушения им советских законов, общественного порядка.

Выше было сказано, что подростки чаще всего совершают такие преступления, как кражи и хулиганские действия. В чем состоит роль родителей в профилактике краж и других преступлений, направленных на незаконное приобретение тех или иных вещей (например, мелкая спекуляция, «фарцовка»)?

Прежде всего в разумном удовлетворении материальных потребностей подростка. Некоторые родители в своей слепой любви к сыну или дочери стараются предоставить им абсолютно все, что тем захотелось иметь. Не считаясь с материальными трудностями, родители «достают» модную одежду, «чтобы мой был не хуже других», покупают дорогие магнитофоны и радиолы, не ограничивают подростка в карманных расходах. Постепенно у него вырабатывается твердое убеждение в том, что любое из его желаний должно быть незамедлительно выполнено. Естественно, с годами потребности возрастают. Этот рост потребностей рано или поздно вступает в противоречие с материальными возможностями семьи. Но подросток не приучен отказывать себе в удовлетворении своих желаний. Если семья не может удовлетворить их, значит, надо искать другие пути, не исключая и связанных с совершением преступления...

Исследования показывают, что вот это «регулярное упражнение детей в неоправданном удовлетворении потребностей»¹ было характерным для воспитания большинства подростков, отбывающих наказание за преступления.

Способствуют совершению имущественных преступлений и бытующие в некоторых семьях частнособствен-

¹ Макаренко А. С. Соч. М., 1961, т. 4, с. 46.

нические взгляды, культ вещей, когда единственным критерием успеха в жизни признается обладание крупными суммами денег и большим числом дорогостоящих вещей, когда материальное полностью подавляет все духовное.

Вот уголовное дело по обвинению Наташи К. в соучастии в совершении квартирной кражи. Прочитав его, ясно видишь, что толкнуло ее на совершение преступления.

Гражданка К. воспитывала свою дочь Наташу одна. Девочка училась в школе без особых срывов, успешно переходила из класса в класс. Когда Наташа была уже в восьмом классе, мать вышла замуж и уехала в свадебное путешествие, оставив ее на месяц одну. Именно в это время Наташа познакомилась с компанией молодых людей, любителей легкой жизни. Свободная и веселая жизнь увлекла ее. Постепенно школа все более и более отходила на второй план, главной целью становилась «фирменная» одежда и беззаботное времяпровождение.

На этой почве возникли разногласия с матерью, которая к тому же основное внимание уделяла своему новому мужу. Девочка постепенно выходила из-под семейного контроля, грубила матери и отчиму. Когда Наташа возвращалась поздно вечером домой, от нее нередко пахло вином. Стремление девушки к красивой дорогой одежде находилось в противоречии с ограниченными возможностями ее матери.

И тогда Наташа решает обокрасть квартиру своей подруги, нарядам которой она часто завидовала. Находясь у нее в гостях, она крадет ключи от квартиры, которые передает своим друзьям. Мало того, предлагая им совершить кражу, снабжает собственноручно изготовленным планом, в котором было указано, где расположены шкафы с одеждой.

Подростки совершили кражу и передали Наташе джинсы и кофточки, о которых она давно мечтала. Но через несколько дней преступление было раскрыто. Молодые люди вместе с Наташей оказались на скамье подсудимых и были осуждены к различным срокам наказания...

Юности свойственны увлечения. Одни подростки увлекаются радиолюбительством, другие собирают марки или значки, третьи коллекционируют магнитофонные записи. Все это полезно для их развития, и такие увлечения должны пользоваться поддержкой родителей. Однако эта поддержка не должна быть односторонней и

сводиться только к выделению определенных денежных сумм. Необходимо постоянно интересоваться, как и в чем проявляется то или иное увлечение. Иначе может наступить очень печальный результат...

К ужасу родителей неожиданно оказывается, что сын-радиолобитель покупал радиодетали, зная, что они украденные, или, что еще хуже, сам участвовал в этих кражах. Невинное коллекционирование марок, осуществляемое без какого-либо контроля со стороны родителей, может привести подростка к неожиданному выводу о том, что покупка марок по дешевой цене и продажа их по дорогой может обеспечить его нужными деньгами как для дальнейшего коллекционирования, так и для развлечений... Бациллы стяжательства легко проникают в сознание...

Несколько слов об увлечении молодых людей коллекционированием магнитофонных записей.

Магнитофонные записи далеко не всегда нейтральны. Прислушайтесь, о чем поет доморощенный менестрель, как прославляет он полную тревог и приключений блатную жизнь, изрядно пересыпая слова песни выражениями, взятыми из воровского жаргона, прославляя «честного грабителя» и осуждая окружавших его милиционеров... А ведь эти песни, конечно, вместе с другими неблагоприятными факторами, могут создать у вашего сына или дочери стойкую антиобщественную установку.

Хочется обратить внимание родителей еще на два момента. Во-первых, необходимо с достаточной остротой реагировать на факты исчезновения из дома тех или иных вещей. Известно, что путь к преступлению иногда начинался с так называемого «домашнего» воровства. Во-вторых, определенное беспокойство должны вызывать у родителей и случаи появления у подростка различных вещей — гитары, магнитофона, модной одежды, фото- или киноаппаратов и т. д. Иногда на вопрос о происхождении этих вещей следуют ответы типа: «Товарищ дал поносить», или «Взял на время у друга» и т. п. и т. д. Родители должны обязательно проверить правильность этих объяснений. Конечно, эта проверка должна быть сделана тактично, без оскорбления подростка недоверием к его словам.

Проведенные исследования показывают, что наибольшее количество хулиганских действий совершается лицами в возрасте 18 и 21—23 лет. Таким образом, в основном это молодые люди. Уменьшение числа хулиганских проявлений в 19—20 лет объясняется тем, что в это

время молодые люди служат в Советской Армии, где обстановка способствует воспитанию общественной дисциплины¹.

Хулиганские поступки несовершеннолетних прямо проистекают из дефектов воспитания. Убеждение в том, что собственные желания должны быть, без сомнения, немедленно удовлетворены, хотя бы и за счет переживания других людей, возможность насильственных средств реализации своих желаний, низкая культура, агрессивность, — вот питательная среда, на которой вырастает хулиган. А ведь начало этому положило грубое слово, сказанное отцу или матери, нетактичный поступок, оскорбление товарища. Когда-то на это не обратили внимания...

Несколько слов необходимо сказать о пьянстве, о злоупотреблении алкоголем. Пьянство, алкоголизм — серьезное социальное зло. Особенно печально, когда его жертвами становятся несовершеннолетние. Одна из основных причин этого — дурной пример самих родителей. Установлено, что почти у каждого третьего несовершеннолетнего преступника родители систематически пьянствовали. Большинство подростков, употребляющих спиртные напитки, выпили первую рюмку вина или водки в семье. Конечно, предлагая ребенку выпить рюмку или полрюмки «сладенького», ни отец, ни мать не хотели, чтобы он стал пьяницей, но иногда это становится началом того пути, конец которого в вытрезвителе, в лечебно-трудовом профилактории...

Главное, что приводит молодых людей на скамью подсудимых, — аморальное поведение самих родителей. Пьянство, грубость, тунеядство, преступное поведение — все это, конечно, не может не повлиять на формирование личности молодого человека, не может не отразиться на его взглядах, установках, поведении.

Группа подростков, совершивших несколько тяжких преступлений, была арестована и осуждена к разным срокам лишения свободы. Все подсудимые воспитывались в неблагополучных семьях, где либо отец, либо мать привлекались к уголовной ответственности. Одному из осужденных — Анатолию Т. совсем недавно исполнилось семнадцать лет. Его отец неоднократно привлекался к уголовной ответственности. Последний раз был освобожден по отбытии наказания незадолго до ареста

¹ Кузнецова Н. Ф., Портнов И. П. Предупреждение хулиганства. М., 1983, с. 31.

сына. Отец присутствовал при судебном разбирательстве дела сына и, когда после вынесения приговора сына выводили из зала, крикнул ему: «Толик, не теряйся! Мы еще с тобой выпьем». Что можно ждать от такого отца, что положительного передаст он своему сыну?

Уголовным кодексом РСФСР специально предусмотрена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство. Согласно ст. 210 УК РСФСР лица, виновные в этом преступлении, могут быть осуждены к лишению свободы сроком до пяти лет.

Именно по этой статье была осуждена гражданка М. Ее семнадцатилетний сын Борис часто приглашал к себе в гости своих сверстников. «Гостеприимная» хозяйка всегда ставила на стол бутылки водки и вина, пила сама, угощала подростков.

Уже на допросах у следователя подростки рассказали, что любили ходить в гости к Борису М., потому что «мамаша его всегда поставит беленького или красенького».

Однажды, изрядно выпив, друзья решили пройтись. Прогулка кончилась печально — молодые люди совершили разбойное нападение, были задержаны и впоследствии осуждены...

— А меня-то за что? — недоумевала М., когда следователь предъявил ей обвинение о совершении преступления, предусмотренного статьей 210 Уголовного кодекса РСФСР.

Нужно сказать, что доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний, тоже образует состав преступления, предусмотренный ст. 210¹ УК РСФСР, и наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до ста рублей.

Почему в городах преступность несовершеннолетних выше, чем в сельской местности? Это объясняется рядом причин. Определенное значение имеет то обстоятельство, что в сельской местности дети и подростки уже с самого молодого возраста в большей степени, чем их городские сверстники, привлекаются к общественно полезному труду. Важное значение имеет и то обстоятельство, что в деревне соседи хорошо знают друг друга, между тем как в городских условиях граждане, живущие на одной лестничной площадке, иногда даже незнакомы. Отсюда и различное отношение к «чужим» детям. Горожане очень часто проходят мимо любых безобразий подрост-

ков, если только среди них нет их собственных детей. Сельские жители более активно пресекают это, как правило, информируют родителей подростков о неправильном поведении их детей.

Любопытный пример привел один работник уголовного розыска. Во время вечернего чая отец в присутствии тринадцатилетней дочери обсуждал с матерью материальное положение соседки по коммунальной квартире Анны Петровны. «Да, — сказал он, — неплохо она живет, если кто ее ограбит, то заживет богато». Сказав эту глупую фразу, отец тут же забыл о ней. Но не забыла об этом дочь, которая в течение нескольких дней подбирала ключи к комнате, где проживала Анна Петровна. В конце концов это ей удалось. Похитив ценности, деньги, облигации трехпроцентного займа, девочка начала их тратить. Удивительно, что в обувном магазине, где она покупала дорогостоящую модельную обувь, никто не поинтересовался, почему тринадцатилетняя девочка самостоятельно расходует крупные суммы денег. В сберегательной кассе ей без каких-либо вопросов, в точном соответствии с инструкциями, поменяли облигации трехпроцентного займа на деньги. Словом, как говорят, «все прошли мимо». К сожалению, это явление в достаточной степени характерно для города.

То обстоятельство, что около половины всех преступлений совершается несовершеннолетними после 22 часов, обязывает родителей уделять больше внимания тому, где проводят несовершеннолетние свое свободное время, особенно в вечерние часы. Наверное, полезно, если при этом не только высказывается негативное отношение к определенному занятию («Нечего без толку болтаться во дворе!»), но и даются какие-либо позитивные предложения, например, вместе заняться техническим творчеством или помочь с билетами в театр и т. д.

Характерно, что несовершеннолетние преступники обладают большими ресурсами свободного времени, по сравнению с благополучной молодежью. Исследованиями установлено, что если у благополучной молодежи средний дневной бюджет свободного времени составляет 3—5 часов, то у преступников он возрастает до 5—6 часов¹.

Значительный процент преступлений, совершаемых несовершеннолетними в группе, ставит перед родителями

¹ Волошина Л. А. Криминологические проблемы сферы досуга. — В кн.: Влияние социальных условий на преступность. М., 1983, с. 112.

важную задачу: знать, с кем проводят свободное время их сын или дочь. Дело в том, что наличие даже одного правонарушителя в компании подростков оказывает отрицательное влияние на 3—5 и более подростков с нормальным поведением. Более того, по выборочным данным, учащиеся, впоследствии вставшие на путь правонарушений, в 9—10 раз чаще, чем учащиеся с нормальным поведением, проводили свой досуг в группах, где были подростки, уже совершавшие преступления¹.

В плане профилактики правонарушений несовершеннолетних необходимо особое внимание уделять успеваемости школьников. На первый взгляд, успеваемость и правонарушения — это явления, не связанные между собой. Но на самом деле это не так. Если подросток плохо учится, постоянно не успевает, это неминуемо снижает его интерес к учебе. Школа и все связанное с ней становится для него обременительной необходимостью. Влияние школы на подростка ослабевает, и вместе с тем усиливается влияние тех людей и групп, которые не способствуют воспитанию в нем должных социальных установок, а иногда склоняют к антиобщественному поведению.

Если родители видят, что своими силами справиться с воспитанием подростка не могут, если появились тревожные симптомы антиобщественного поведения, нужно обращаться за помощью не только в школу, в профессионально-техническое училище, но и в инспекцию по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Здесь работают люди, имеющие большой опыт воспитания трудных подростков, совершавших правонарушения и преступления, употреблявших спиртные напитки, наркотические или психотропные вещества, уклонявшихся от учебы и работы. Большое внимание уделяется в инспекции предупреждению этих отрицательных явлений.

Вам не нравится компания подростков, собирающихся по вечерам во дворе вашего дома. Вы видите, что ваш сын тянется к этим подросткам. Опасно ли это? Надо ли противодействовать подобным контактам? Если да, то как это лучше сделать? На эти вопросы вы можете получить ответ в инспекции по делам несовершеннолетних.

Ваш сын окончил школу и не торопится поступать учиться или работать. Ваши советы и уговоры на него не

¹ Миньковский Г. М. Профилактика правонарушений учащихся. — Воспитание школьников, 1978, № 3, с. 28.

действуют. Вы понимаете, что подобное безделье не доведет до добра. И здесь работники инспекции по делам несовершеннолетних могут дать ценный совет, помочь не только словом, но и делом.

Существует немало различных факторов, которые так или иначе отрицательно влияют на процесс нравственного формирования подростков. Однако не будет преувеличением сказать, что основными причинами совершения преступления несовершеннолетними являются дефекты и просчеты семейного воспитания.

Правильное трудовое воспитание подростков, здоровая обстановка в семье, уважение друг к другу, разумное удовлетворение материальных потребностей и запросов детей, систематический контроль за их учебной, трудовой и отдыхом — вот простые рекомендации, которые являются надежным противодействием любым отрицательным влияниям, оказываемым на подростка.

К сожалению, этим хорошо известным советам родители далеко не всегда следуют. Об этом свидетельствуют уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних.

Ученик 10-го класса Борис Е. — высокий, спортивного вида молодой человек, с приятным открытым лицом — производил на всех очень хорошее впечатление. Начитанный, внешне культурный юноша пользовался авторитетом в школе. Его неоднократно ставили в пример. Не удивительно, что мать, как говорят, не чаяла в нем души. Сын отвечал ей взаимностью. И вдруг преступление, арест, судебное разбирательство. На кухне коммунальной квартиры Борис нанес соседу тяжелые ножевые ранения. Почему это произошло?

Может быть, и не отдавая себе отчета в этом, мать постоянно внушала сыну, что они культурные, образованные люди, а соседи значительно ниже их по своему развитию и интеллекту, поэтому у них не может быть с ними ничего общего. В квартире между матерью Бориса и другими жильцами были весьма натянутые отношения. Увлеченная конфликтами с соседями, мать восстаивала Бориса с самого молодого возраста против соседей, посвящала его во все детали той борьбы, которую она вела с ними.

Мать была в больнице, когда Борис, находясь на кухне, оскорбил соседа. Тот сделал ему замечание и сказал, что не надо вести себя так, как ведет себя его мать. Восприняв эти слова как оскорбление матери, Борис бросился на соседа с ножом...

Уделяя внимание сыну, мать Бориса не сумела при-

вить ему элементарных нравственных норм, принятых в нашем обществе. Напротив, играя на его самолюбии, пробуждала в нем высокомерие по отношению к людям, эгоизм, вседозволенность.

Но не менее опасна другая крайность — такая строгость по отношению к детям, которая не оставляет места для любви, для душевного разговора, для ласки. Именно так, «в строгости», воспитывала своего сына гражданка Н. Подросток буквально боялся матери, ее крика, грубости, бесконечных ссор. Были случаи, когда, совершив какой-нибудь проступок, он, опасаясь идти домой, ночевал у знакомых, а иногда и на вокзалах. Не чувствуя душевной теплоты дома, подросток искал ее на стороне. И нашел... в обществе ранее судимых взрослых. Здесь никто на него не кричал, напротив, к нему относились с уважением, изредка помогали деньгами, подарили нож, с которым он никогда не расставался. Здесь он познакомился с вином, научился играть в карты...

После очередного скандала дома подросток пошел ночевать к знакомым, где в неожиданно вспыхнувшей ссоре и нанес своему товарищу тяжелое ножевое ранение.

Судебно-психологическая экспертиза, исследовавшая по определению суда подростка, констатировала наличие у него таких отрицательных качеств, как жестокость и агрессивность, качеств, которые по существу явились результатом его неправильного воспитания.

Семья — первичная ячейка нашего общества. Мы часто слышим это выражение и не всегда вдумываемся в его содержание. Более того, иногда в разговоре с детьми семейное противопоставляется государственному, общественному: «Это — наше, личное, а то — государственное, чужое». Незаметно молодой человек приобретает зачатки частнобуржуазной идеологии, мещанского взгляда на жизнь («Моя хата с краю...»), для него становятся чуждыми и далекими общественные интересы.

«Нельзя отделить семейные дела от дел общественных... — писал А. С. Макаренко. — Все, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходить к вашим детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересоваться и ваших детей».

Следуя совету замечательного педагога, надо рассказывать подросткам не только о положительном в ва-

шей жизни, но и негативных явлениях, с которыми вы встречаетесь на производстве, в общественных местах, давать этим явлениям правильную оценку, показывать на конкретных жизненных примерах, как следует поступать в той или иной ситуации, как бороться с антиобщественным поведением тех или иных лиц.

Личный пример родителей является одной из наиболее эффективных мер по созданию у подростка правильной социальной установки, одним из важных звеньев в правовом воспитании подрастающего поколения.

Семье принадлежит ведущая роль в формировании у подростков активной жизненной позиции, сознательного отношения к общественному долгу. И в этом плане чрезвычайно важно, чтобы в процессе формирования личности родители не допускали разрыва между словом и делом. Если в школе, например, подростка учат уважать советское право, а дома он слышит от родителей, как здорово отцу или матери удалось обойти требования закона, как ловко избежал наказания их знакомый или наставления о том, что не надо бороться с неправомерными действиями — лучше пройти мимо них, то от такого «воспитания» результат будет только отрицательный.

Если в школе или ПТУ учащимся рассказывают о благородной деятельности работников советской милиции, суда, прокуратуры, а дома подросток слышит только брань по адресу сотрудников правоохранительных органов — вряд ли можно рассчитывать на воспитание у него уважения к ним и их работе.

Могут быть случаи, когда родители совершенно неожиданно узнают, что их сын или дочь причастны к совершению антиобщественного поступка, а иногда и преступления.

Обычно первая мысль — спасти! Спасти от ответственности, от следствия, от суда, от наказания. В ход пускается все — и поиски влиятельных заступников, и уговоры потерпевшего, и «осада» правоохранительных органов, а иногда и ложь и обман. При этом забывают о виновниках, о том, какой ущерб их воспитанию приносит такая их деятельность. Во многом эти неправильные действия объясняются элементарным незнанием советского законодательства, определяющего формы и методы борьбы с преступностью несовершеннолетних, ошибочным представлением о деятельности правоохранительных органов. По мнению некоторых родителей,

задача этих органов состоит только в том, чтобы «посадить» подростка на максимально длительный срок.

Большой воспитательный просчет допускают и те родители, которые любое вмешательство правоохранительных органов в сферу воспитания сына или дочери встречают в штыки, даже если для этого вмешательства есть все основания. Вот гражданка П. Ее шестнадцатилетний сын был замечен в неблагоприятных поступках. Однако, явившись по вызову в инспекцию по делам несовершеннолетних, она, не выслушав инспектора, начала в присутствии сына обвинять работников инспекции в том, что они «шьют дело» ее сыну, который ни в чем не виноват, что она этого так не оставит, на всех найдет управу и т. д. и т. п.

Ясно, что такая позиция родителей способствует тому, что подросток начинает верить в свою полную безнаказанность, в то, что родители смогут выручить его из любых неприятностей, что провоцирует подростка на совершение новых правонарушений. Так произошло и с сыном гражданки П., который спустя непродолжительное время был уличен в совершении нескольких краж и осужден к лишению свободы.

Обеспечение неотвратимости наказания или иного воздействия за совершение преступления особенно важно в отношении несовершеннолетних. Если совершенное подростком преступление в силу тех или иных причин оказалось безнаказанным, он начинает считать, что ответственность не наступит и в будущем, и нередко от мелких проступков переходит к совершению тяжких преступлений.

Несколько слов о роли родителей в обучении подростков основам действующего законодательства.

В современной жизни ребенок рано сталкивается с различного рода правилами (юристы их называют нормами), регулирующими те или иные стороны нашей жизни. Даже в начальной школе дети знают о «Правилах для учащихся», о «Правилах движения». С каждым годом подросток получает представление о все большем числе самых разнообразных правовых норм, например регулирующих порядок купли-продажи в торговых организациях, проезда на общественном транспорте, поведение в общественных местах и т. д. Но ведь это только начало. Окончание школы, поступление на работу, в профессионально-техническое училище, в техникум или вуз, призыв на военную службу ставят перед молодым человеком очень серьезные правовые вопросы.

А вступление в брак? Взаимоотношения с родителями? Нередко возникающие в связи с этим вопросы жилищного права?

Нужно ли далее доказывать, что вступающий в жизнь человек должен иметь необходимую ориентацию в решении ряда правовых вопросов. Чем выше уровень этой ориентации, чем правильнее в соответствии с законом будет поступать молодой человек, тем меньше возникает ненужных конфликтов, вызванных неправильным представлением об объеме своих прав и обязанностей.

К сожалению, уровень правовой осведомленности подрастающего поколения еще оставляет желать лучшего. Некоторые подростки ошибочно полагают, что незнание закона освобождает их от уголовной ответственности. И среди взрослых и среди несовершеннолетних все еще распространено неправильное мнение, будто человек не отвечает за свои поступки, если он совершил их в состоянии такого опьянения, при котором он не отдавал себе отчета в своих действиях. Некоторые несовершеннолетние не знают возраста, с которого наступает уголовная ответственность. При опросе в одной из школ многие ученики заявили: «За свой плохой поступок школьник не отвечает — мы еще маленькие». Выяснилось также, что ребята довольно хорошо знают свои права и гораздо хуже — обязанности.

Знание основ советского законодательства играет определенную роль и в предупреждении преступлений несовершеннолетних и молодежи, удерживая их от совершения преступления под страхом уголовного наказания, показывая общественную опасность неправомерных поступков.

В средних школах, профессионально-технических училищах, институтах изучение основ советского законодательства введено в качестве учебного предмета.

В чем состоит роль родителей в этом важном деле?

Прежде всего — обращать внимание подростка на те новые законы, опубликованные в газетах, знание которых необходимо или полезно для него. Рекомендовать сыну или дочери прочесть этот закон, указ или другой нормативный акт, побеседовать о его значении, разъяснить непонятные выражения.

Ни в коем случае не относить «Основы советского законодательства» к второстепенным предметам, оказывать школьнику, учащемуся ПТУ необходимую помощь в подготовке домашних заданий. Прививать интерес к

правовым вопросам, рекомендуя соответствующую научно-популярную литературу, телевизионные передачи и кинофильмы.

Уважение к закону прививается с молодости. Важнейший долг родителей — способствовать этому, готовить детей к общественно полезному труду, растить достойными гражданами нашей великой Родины.

В заключение кратко о некоторых особенностях расследования и рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР этому посвящен раздел «Производство по делам несовершеннолетних».

К несовершеннолетним относятся лица, которым к моменту совершения преступления не исполнилось восемнадцати лет. Расследование преступлений, совершенных этими лицами, осуществляют следователи органов внутренних дел, прошедшие специальную подготовку.

Задержание и заключение под стражу в качестве мер пресечения могут применяться к несовершеннолетнему лишь в исключительных случаях, когда это вызывается тяжестью совершенного преступления. Вызов к следователю и в суд несовершеннолетнего производится, как правило, через его родителей или других законных представителей. В допросе несовершеннолетних обвиняемых обычно помимо следователя участвует педагог.

Суд, рассмотрев дело о преступлении, совершенном несовершеннолетним, и признав его виновным, очень внимательно подходит к определению подсудимому меры наказания. За совершение тяжких преступлений несовершеннолетний может быть приговорен к серьезному наказанию максимально до десяти лет лишения свободы.

Однако если в результате рассмотрения дела суд придет к выводу, что несовершеннолетний совершил преступление, не представляющее большой общественной опасности, и его исправление возможно без применения мер уголовного наказания, к нему могут быть применены другие меры воздействия. Так, суд вправе, признав несовершеннолетнего виновным, вообще не применять к нему мер уголовного наказания, а ограничиться принудительными мерами воспитательного характера (например, объявление выговора или строгого выговора, предостережения, передача под наблюдение трудовому коллективу, общественной организации, с их согласия, назначение общественного воспитателя, помещение в специальное учебно-воспитательное или лечеб-

но-воспитательное учреждение). Нередко к несовершеннолетним применяется условное осуждение, когда суд постановляет не приводить приговор в исполнение, если в течение определенного судом испытательного срока осужденный не совершит нового преступления и примерным поведением и честным трудом оправдает оказанное ему доверие.

Суд, прокурор, а также следователь, с согласия прокурора, вправе при наличии указанных в законе оснований прекратить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего и направить это дело на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних.

При назначении наказания лицу, впервые осуждаемому к лишению свободы на срок до трех лет, в том числе и несовершеннолетнему, суд может с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела отсрочить исполнение приговора в отношении этого лица на срок от одного года до двух лет, обязав осужденного устранить причиненный вред, поступить на работу или учебу, не менять без согласия органов внутренних дел места жительства и т. д.

Если осужденный в течение отсрочки своим поведением и отношением к труду и обучению докажет свое исправление, суд освобождает его от наказания. Если же осужденный не выполняет возложенные на него судом обязанности либо допускает нарушения общественного порядка или трудовой дисциплины, суд отменяет отсрочку и направляет осужденного для отбывания срока лишения свободы, назначенного приговором.

Таким образом, советские законы направлены прежде всего на то, чтобы исправить и перевоспитать несовершеннолетнего правонарушителя, приобщить его к общественно полезной деятельности, сделать из него достойного гражданина нашей страны.

Игорь Быховский

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

На вопросы отвечает председатель президиума Ленинградской городской коллегии адвокатов Ю. В. Введенский.

Какие незаконные действия относятся к категории преступлений против социалистической собственности и какие меры наказания предусмотрены за эти преступления?

Социалистическая собственность — источник роста могущества и процветания советского общества.

Решения XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС обязывают правоохранительные органы максимально повысить эффективность работы по обеспечению сохранности социалистической собственности, являющейся основой экономической системы нашего государства (ст. 10 Конституции СССР). Особое значение эти вопросы приобретают в связи с реализацией Продовольственной программы СССР.

В партийных решениях неоднократно указывалось на необходимость усиления борьбы с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, злоупотреблениями служебным положением, бесхозяйственностью, приписками, выпуском недоброкачественной продукции и другими преступлениями, причиняющими имущественный вред государству. Преступными посягательствами на социалистическую собственность являются такие умышленные или неосторожные деяния, которые по своему характеру непосредственно связаны с лишением или с созданием угрозы лишения государственных или общественных организаций возможности использовать принадлежащие им материальные ценности в соответствии с их народнохозяйственным назначением.

В зависимости от особенностей, присущих различным преступлениям против социалистической собственности, их можно разделить на следующие группы:

1. Посягательства на социалистическую собственность, связанные с преступным обогащением виновных за счет государственного или общественного имущества. Среди этих преступлений особо выделяются хищения.
2. Уничтожение и повреждение социалистического имущества.
3. Преступления, создающие условия для расхищения или гибели социалистического имущества.

В результате хищений происходит неправомерное увеличение имущества виновных, а это означает, что хищениями существенно нарушаются и отношения, связанные с осуществлением одного из важнейших принципов социализма — принципа распределения мате-

риальных благ по труду. Паразитический, корыстный характер хищений и их относительно большая распространенность делают эти преступления наиболее опасными из всех посягательств на социалистическую собственность и обуславливают необходимость самой решительной борьбы с ними.

Действующее уголовное законодательство (гл. 2 Уголовного кодекса РСФСР) различает такие формы хищения, как кража, грабеж, разбой, присвоение, растрата, мошенничество и завладение имуществом путем злоупотребления служебным положением. Каждая из этих форм имеет свои специфические особенности, но вместе с тем им свойственны общие признаки, которые в равной степени характерны для любой формы хищения. Всякое хищение характеризуется, с одной стороны, причинением ущерба социалистической собственности, с другой — стремлением виновного обогатиться за счет этого имущества. В соответствии с этим хищение можно определить как умышленное изъятие государственного или общественного имущества из владения (фондов) социалистических организаций с целью обращения его виновным в свою собственность или по корыстным мотивам в собственность других лиц.

В практике встречаются случаи, когда должностные лица разбазаривают социалистическое имущество. В общесмысловом значении слово «разбазаривать» означает раздать по мелочам, бесхозяйственно израсходовать.

Формы разбазаривания имущества могут быть различными: незаконная выдача из фондов предприятий и учреждений премий и подарков артистам, спортсменам и другим лицам; устройство приемов, банкетов, обедов и ужинов для представителей различных делегаций или вышестоящих учреждений, вручение им памятных подарков; устройство ужинов в честь юбилейных дат организаций и работников, вручение последним дорогостоящих презентов; выплата зарплаты лицам, работающим на полставки (при невыполнении ими объема работ), или участникам художественной самодеятельности за время их нахождения на гастролях; оплата расходов, связанных с поминками, установлением памятников усопшим сослуживцам и т. п.

Все эти действия являются преступными, поскольку они связаны с незаконным и безвозмездным изъятием материальных средств.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» введена квалификация видов хищений государственного или общественного имущества, совершенных путем кражи или грабежа «с проникновением в помещение или иное хранилище» (ч. 3 ст. 89 или 90 УК РСФСР). Этот же квалификационный признак включен в законодательное описание разбоя с целью завладения социалистическим имуществом при отягчающих обстоятельствах (п. «ж» ч. 2 ст. 91 УК РСФСР).

За эти виды хищений установлена повышенная ответственность.

Гражданин СССР обязан беречь и укреплять социалистическую собственность. Долг гражданина СССР — бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру.

Лица, посягающие на социалистическую собственность, наказываются по закону (ст. 61 Конституции СССР).

Ответственность за преступления против социалистической собственности установлена в зависимости от степени общественной опасности этих преступлений, определяемой величиной ущерба, способом совершения хищений, другими объективными и субъективными признаками.

Так, если за мелкое хищение (на сумму до 50 рублей), совершенное впервые, предусмотрено наказание в виде исправительных работ или штрафа (ч. 1 ст. 96 УК РСФСР), то хищение, причинившее крупный ущерб государству, наказывается лишением свободы на срок от 6 до 15 лет с конфискацией имущества и лишением права занимать определенные должности на срок от 2 до 5 лет (ч. 3 ст. 92 УК РСФСР).

Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах (свыше десяти тысяч рублей) наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой, или смертной казнью с конфискацией имущества (ст. 93¹ УК РСФСР).

В интересах всесторонней охраны социалистической собственности уголовное законодательство предусмотрело ответственность не только за преступления, непосредственно причиняющие ей ущерб, но и за такие действия, которыми создаются реальные условия для гибели или расхищения социалистического имущества. Формами подобного преступного поведения являются, в частности, недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества, преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники и т. д. Образцовый учет материальных ценностей, принадлежащих обществу, всесторонний и действенный контроль за их бережливым и разумным использованием, непримиримость к любым действиям, могущим нанести ущерб социалистической собственности, — долг каждого члена трудового коллектива.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Вистунов. Дело о пятаках</i>	<i>3</i>
<i>Константин Россошанский. Не только свидетель</i>	<i>14</i>
<i>Александр Михайлов. Арбитр принимает решение</i>	<i>26</i>
<i>Игорь Быховский. Отцы, матери и дети</i>	<i>44</i>
<i>Юридическая консультация</i>	<i>61</i>

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

Составители

*Виктор Александрович Беляков,
Михаил Евгеньевич Скрыбин*

Заведующий редакцией *Ю. К. Хрящев*
Редактор *И. Н. Ионина*
Младший редактор *И. В. Петрова*
Художник *А. В. Сергеев*
Художественный редактор *И. З. Семенцов*
Технический редактор *М. А. Хомич*
Корректор *Ю. П. Порошина*

ИБ № 3143

Сдано в набор 11.06.85. Подписано к печати 12.08.85. М-27414. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,78. Уч.-изд. л. 3,56. Тираж 100 000 экз. Заказ № 969. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

КОНСТАНТИН РОССОШАНСКИЙ
НЕ ТОЛЬКО СВИДЕТЕЛЬ

ЕВГЕНИЙ ВИСТУНОВ
ДЕЛО О ПЯТАКАХ

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ
АРБИТР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

ИГОРЬ БЫХОВСКИЙ
ОТЦЫ, МАТЕРИ И ДЕТИ

ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

Лениздат 1985

20 коп.